

[Polaris]

ЖИВАЯ

СМЕРТЬ

Рассказы о мертвецах и призраках

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXLII

Salamandra P.V.V.

ЖИВАЯ СМЕРТЬ

Рассказы о мертвецах
и призраках

Salamandra P.V.V.

Живая смерть: Рассказы о мертвецах и призраках. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016 – 90 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СXLII).

В книгу включены «Поразительные случаи явления умерших» Д. Булгаковского (1896), готическая новелла «Живая смерть» и сказки о мертвецах лубочного писателя Ив. Рубакина (1865). Все вошедшие в книгу произведения переиздаются впервые.

**ЖИВАЯ
СМЕРТЬ**

СОБРАНІЕ РАЗСКАЗОВЪ

И

ПОВѢСТЕЙ.

ИЗДАНІЕ

Е. Н. АХМАТОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Бассейная, № 2).

1882.

ЖИВАЯ СМЕРТЬ

Моя тетушка Мери имела удивительный талант рассказывать. Следующая история считалась нами лучшей из ее рассказов.

Мне хочется передать этот рассказ по возможности ее словами. От себя прибавлю, что слышала его в первый раз во время сильной болезни двух ее прислужниц Пакси и Макси, которые всегда были неразлучны, как здоровые, так и больные. Они были сестры-близнецы и карлицы. Во время их болезни я провела несколько дней у тетушки и помогала ей ухаживать за этими преданными созданиями. В первый вечер моего приезда, после невыносимо душного дня, разразилась страшная гроза. Мы сидели в маленькой гостиной; оба окна были закрыты во избежание сквозного ветра; тучи заволокли небо; грозная темнота только по временам разрезывалась извилистыми молниями; оглушительные раскаты грома то грохотали в некотором расстоянии, то вдруг разражались как раз над нашими головами, и тогда трудно было различать слабые звуки голоса моей дорогой тетушки Мери.

Время — полночь, сцена — ужасный контраст света и мрака; все было припорошено так, чтоб усилить интерес невымышленного происшествия.

— Один раз, только один раз в жизни, я была свидетельницей такой же страшной бури, — так начала тетушка свой рассказ. — Ты не забыла, мой друг, что после смерти моего отца я провела несколько лет за границей. В конце 18.. года я путешествовала в Пиренейских горах и, как обыкновенно, меня сопровождал Робвиль, мой верный курьер, и две мои неразлучные

Макси и Пакси. Но Робвиль был стар и упрям; под его плохим руководством мы и заблудились в горах. В это время разразились над нами гроза и следующее приключение.

Промокшие до костей, мы попали в деревушку, населенную самым бедным народом. Мы искали крова и были приняты, обогреты и накормлены с тем радушным гостеприимством, которое так же часто встречается между бедными, как и между богатыми. В этой хижине была одна горница, в которой нас приютили. Преодолев щепетильность моих слуг, я пожелала разделить скудный ужин хозяев, которые угостили меня, чем Бог послал. По окончании ужина, не желая обременять своих хозяев близким присутствием, я хотела уже ложиться на постель, устроенную для меня в углу из подушек и одеял, вынесенных из экипажа, как вдруг отворилась ветхая дверь, единственная наша защита от страшной борьбы стихий, и чрез порог переступила человеческая фигура, с которой вода лилась ручьями; шатаясь, подошла она к толпе, поднявшейся при ее появлении.

Окутанная широким, но тонким плащом и под капюшоном, скрывавшем ее голову и лицо и покрытым густым снежным слоем, кто бы это мог быть? Женщина! На одну минуту она остановилась, как бы ослепленная светом, и потом, совсем неожиданно, она положила свою холодную, как лед, руку ко мне на плечо и, откинув капюшон с лица, устремила на меня свои черные пронизательные глаза и сказала по-французски:

— Серая вас зовет! Ради Христа и Его Пречистой Матери!

Ее слова, ее прикосновение пробежали по мне электрическою струею. Много времени прошло после этого, а все впечатления я помню ясно, как будто это бы-

ло вчера.

Деревенские жители дрожали, крепко прижавшись друг к другу, и в страхе бормотали молитвы. Я не чувствовала страха, и сознавала только одно, что чего бы это ни стоило, а я должна повиноваться этому странному приказанию. Я встала машинально и, несмотря ни на что и даже забывая о страшно свирепствующей буре, я двинулась за нею к двери, совершенно не сознавая, что на мне не было ни шали, ни шляпки; все мое внутреннее существо подчинилось этой роковой посетительнице; но тут оказалось на деле, что любовь Макси и Пакси к их госпоже гораздо сильнее даже всевозможных ужасов: обе прыгнули ко мне и, уцепившись за мое платье, умоляли не действовать так опрометчиво и необдуманно. За это время Робвиль и хозяева тоже пришли в себя от страха и присоединили свои убеждения к слезным молениям моих маленьких близнецов.

Закутанная женщина видимо дрожала от нетерпения все время, пока длились эти переговоры, и в минуту общего молчания она опять повторила, настойчиво и прямо смотря мне в глаза:

— Серая вас зовет. Ради самого Христа и Его Пречистой Матери, — произнесла она с поразительной отчетливостью, — она ждет вас.

И, наклонившись к моему уху, она прошептала имя, которое, клянусь тебе, ни один человек в мире не мог тогда знать, да и теперь тоже никто не знает. В те времена мы не были знакомы с месмеризмом. Ясновидение и животный магнетизм были тогда немыслимы. Можешь ли представить мои ощущения? Будешь ли удивляться, что я заставила молчать всю взволнованную толпу, что я позволила явившемуся привидению надеть на меня плащ и шляпу и с безмолвной покорностью последовала за нею из дома.

— Серая! Серое страшилище! Умирающая смерть! Живая покойница! — донеслись до меня слова, вполголоса произнесенные одною из деревенских девушек, когда я переступала чрез порог за дверь в темную ночь и разъяренную бурю.

То была страшная ночь! Но тогда я была сильна и мужественна, гораздо сильнее своей немощной путеводительницы, которая шаталась и склонялась, как тростинка, при каждом порыве ветра, хотя с изумительною настойчивостью продолжала свой путь. Не буду утомлять тебя подробным отчетом испытанных мною ужасов в это полночное путешествие. Около мили мы шли, карабкаясь по утесистой тропинке, и вдруг вышли на площадку, где стояли две лошади, укрытые в расселине утеса. Мы сели на лошадей и опять стали подниматься по страшно крутому склону.

Если кому случилось когда-нибудь взбираться на лошади верхом по извилистой и полуразрушенной лестнице, тот только может составить себе некоторое понятие об этом необыкновенном путешествии. Камни катились из-под ног лошадей и с плеском падали — куда? что было так близко нас? Куда неверный шаг мог бы сбросить нас? Сверкнула молния и осветила глубокие черные воды горного потока далеко, далеко под нами.

Трудности подъема сменялись случайным спуском, который еще страшнее действовал на мои нервы. Несколько раз я уже покачивалась на седле и от падения меня спасало невыразимое ощущение, испытанное мною при первом холодном как лед прикосновении моей спутницы, которая теперь часто повторяла его, поддерживая во мне изумительную силу. Наконец глухой звук под копытами наших лошадей, правильное движение и ровная местность внушили мне надежду, что мы достигли цели нашего путешествия. Так и вышло.

Мы слезли с лошадей у стены, устроенной в скале. Колоссальных размеров Распятие занимало самую середину. Я не заметила ни малейшего движения моей спутницы; она только ожидала. Но немного пришлось нам ждать. Тихо и без видимого посредника Распятие двинулось в сторону и оставило отверстие, чрез которое мы вошли.

Мы проходили по многим коридорам, мрачным и обширным, пышно меблированным комнатам — бархатные и атласные занавеси, столы и стулья, роскошно вызолоченные, художественные мрамор и слоновая кость, украшенные драгоценными камнями и все покрытое пылью и ржавчиной, все приходящее в упадок и разрушение, все добыча моли. Драпировка из драгоценнейших тканей висела в лохмотьях; мягкие, роскошные ковры покрыты толстым слоем пыли. Крысы разбегались по углам при нашем приближении; летучие мыши ворошились на окнах. В разбитое окно вылетела ослепленная светом сова, а из другого вылетела какая-то темная птица, тяжело взмахивая крыльями.

Наш путь освещался тусклым светом фонаря в руках моей путеводительницы, по пятам которой я следовала, двигаясь точно во сне.

Комнаты становились все мрачнее и меньше. Мы поднялись по извилистой лестнице непомерной длины. Она привела нас в переднюю, невыразимо жалкую. Мы прошли и чрез нее. Еще дверь отворилась и меня ввели в комнату, совсем непохожую на те роскошные палаты, чрез которые я прежде проходила.

Длинная-предлинная и совсем темная комната. Ни малейшего следа драпировок или ковров на голых стенах и на полу. Тускло горела единственная свеча на столике в далеком углу от высокой кровати под балдахином вроде погребального и с опущенными занаве-

сями со всех сторон; только эту постель украшали занавеси. Слабый запах наполнял комнату. Туман, подобно смерти, прокрадывался даже в мои жилы, наполняя меня невыразимым ужасом. На минуту меня охватило непреодолимое желание бежать, спастись, отказаться от дальнейшего разведывания этих тайн, но закутанная женщина еще раз положила свою ледяную руку на мое плечо и еще раз я могла только повиноваться ей.

В этом положении она остановилась. В комнате царствовало могильное молчание. Ослепленные ужасом, глаза мои устремились на кровать. Ни звука, ни стоны, ни шепота, ни дыхания не слышалось за этими занавесями. Там смерть, наверно. Но как? в какой форме? и зачем я призвана смотреть на эти ужасы?

Тихо проскользнула женщина под капюшоном к той стороне кровати, куда прокрадывался слабый луч свечи. Тихо раздвинула она занавеси. Невольно я закрыла лицо руками.

То была страшная минута. Мне показалась она часами, даже веками тяжелого молчания, которое давило мой мозг. Тогда отчетливый, но слабый голос с дикою, невыразимую словом отчетливостью произнес эти слова по-французски:

— Мари, подойди! Вот Серая!

Руку мою отстранили от глаз и я увидела... Гроб стоял на голых досках кровати. В нем лежала женщина, голова ее приподнята на подушке. Трудно поверить, если я скажу, что ее красота была далеко выше всего, что я когда-нибудь видала, несмотря на то, что ее волосы были белы, как снег, лицо и фигура обратились в скелет, скулы ясно обрисовались от впалых щек, которые при каждом движении то поднимались, то опускались, нос заострился, губы только слабою линиею оттенялись от лица, покрытого смертною бледностью. Так вот она,

«Умирающая Смерть»! Да, это Живая Смерть! Только в глазах оставалась жизнь: большие, лучистые глаза, блиставшие неземною красотой и скорбью. Ее одежда мягкого серого цвета вполне согласовалась со всею ее наружностью.

Опять она приказала мне подойти, слышался голос, но губы не шевелились; губы полуоткрыты и неподвижны. Только щеки продолжали то подниматься, то опускаться и глаза проникали в глубь моего мозга, а иначе я была бы убеждена, что она мертвая.

Я могла только повиноваться и подойти к ней. И тогда тот же мерный голос передал мне историю, неисполненную таких ужасов и такой скорби, что я никогда не могла бы поверить, что подобные вещи допускаются в этом прекрасном мире, если бы сама не слышала ее из уст той, которая сама видела, сама выстрадала их. Даже и теперь сердце мое больно сжимается и кровь стынет в жилах, как а припомню, что все это — истинное происшествие!

— Я ждала вас, Мари, — говорила она. — Я знала, что вы явитесь сюда в этот год, и именно в этот день и в этот час. Я знала это за пятьдесят лет пред этим. И как я ожидала вас! Вы должны сделать для меня одно дело, и вы сделаете это.

Она не просила меня, но говорила, что я должна это сделать, и я знала, что иначе не может быть, и если бы даже я не прочувствовала этого разом, то все же должна бы покориться. Надо вам сказать, что эта Живая Смерть говорила мне о событиях моей прошлой жизни, о которых ни один человек в мире не знал. Она шепотом произносила слова прямо мне в ухо. Она передавала мне мысли, которые в ту минуту боролись в моей душе, и странные обстоятельства, за тем последовавшие и которые никому в мире не могли быть известны, кроме меня одной, потому что моя собственная

история гораздо более достойна удивления, чем многие другие, рассказанные мною.

Она кончила, наступило молчание. Я следила за ее тяжелым дыханием и все сильнее удивлялась, смотря, как поднимались и опускались ее щеки. Опять она продолжала свой рассказ и не, пошевелив головою, указала мне глазами на черный дубовый сундук, стоявший неподалеку от ее кровати, единственную ценную вещь в этой комнате. По ее приказанию я подняла крышку; там стояла старинная шкатулка художественной работы с геральдическими украшениями. Я поднесла к ней эту шкатулку. Поднимутся ли эти иссохшие руки? Нарушится ли эта смерти подобная неподвижность? Нет, я должна открыть и эту крышку. Я открыла и глазам моим представилась толстая книга в переплете из эбенового дерева художественной резной работы.

— Черная Книга, Книга с картинami, — произнесла она тем же мерным, точно механическим голосом. — Там моя жизнь; здесь моя смерть.

Она требовала, чтобы я развернула книгу. Я развернула ее. Тут было восемь картин и между ними несколько исписанных страниц. Картины были плохи в отношении живописи, композиции и перспективы. Как картины, они были ниже посредственности. Но выражение как лиц, так и формы изображений было выше всего, что можно придумать в лучших произведениях человеческого художества. По отношению к Живой Смерти, здесь была жизнь, несмотря на совершенное отсутствие того, что обнаруживает и доказывает жизнь. Оно так и следовало, потому что это была работа Живой Смерти. Каждая картина изображала сцену из ее жизни, за картиною страницы с описанием совершившегося события. Она толковала мне все, как было.

Картина первая

Старинный замок в Нормандии — давно уже необитаемый. Колоссальная фигура старика у ворот замка — суровая и худощавая фигура, не совсем приятная для глаз.

Длинная белая дорога — на ней две фигуры с трудом подвигаются к замку. Одна из них — мужчина, немного помоложе первого старика, другая — прелестная девочка с длинными кудрями роскошных каштановых волос, развеваемых по воле ветра; у нее большие черные глаза, полные свежего невинного счастья; несмотря на труды и усталость, она прыгала, освещенная солнечным сиянием.

Неужели это может быть детский портрет Живой Смерти? Да, это она. Та прелестная, полная жизни, девочка и эта бледная фигура, неподвижно, как скелет, лежащая в гробу, но еще дышащая и живущая — одна душа, одно существо.

Она была высокого рода, знатного происхождения. Роковое несчастье лишило ее родной семьи, когда не минуло ей и десяти лет, оторвало ее от всего, что детство любит и заставило ее странствовать, не имея другого покровителя, кроме старика, идущего рядом с нею и посвятившего жизнь свою ее семейству. Он увел ее на свою родину, воображая в простоте души, что на родине все по-прежнему будут знать и любить его, хотя прошло уже много десятков лет с тех пор, как он расстался с родным домом, где теперь даже имя его забыто.

Вот они у ворот замка. Старики поздоровались и Ансельм попросил стакан молока для девочки. Старый Радок устремляет зоркие глаза на миловидное личико, подавая ей желаемое, и спрашивает: «Видно, вы

издалека? Ночь наступает. Дитя прихрамывает. Не хотите ли переночевать у меня?»

Ансельм с радостью принимает приглашение, выраженное с явным радушием, и они следуют за своим хозяином. Не в замок — нет, столетия прошли с тех пор, как кто-нибудь переночевал в тех стенах — но в простую, массивную избушку, примыкающую к нему. Тут Радок предлагает им гостеприимство и, после легкого ужина, старики закурили трубки и сели на скамье у дверей избушки, а девочка то отдыхала после сильного утомления на зеленой травке, то бродила между скудными цветниками некогда роскошного сада. Старики побеседовали между собою и потом очень натурально разговор коснулся древнего здания, высившегося пред ними. Ансельм сильно удивлялся тому, что такой прекраснейший замок покинут его владельцами, а Радок, без всякого негодования, стал распространяться насчет величия и знатности древней фамилии, которой принадлежал этот замок.

— Клянусь честью, — говорил он, — хотя у них много поместьев и замков чуть не во всех провинциях, но подобного замка у них нигде нет; несмотря на то, эти древние стены покинуты и безлюдны больше двух столетий и предоставлены летучим мышам и совам, мне и моим предкам. Во время последнего графа, еще жившего в доме своих предков, здесь было совершено ужасное преступление, и с той поры в замке появляются страшные привидения и слышатся ужасные звуки, так что ни один человек в мире не осмеливается здесь ночевать со времени 15 .. года, когда совершено было то преступление, за исключением только Радока, жившего в то время, и его сына, но и они вскоре были вытеснены отсюда и принуждены были искать пристанища в этой жалкой избушке, где и я теперь проживаю. Надо вам знать, что мы, Радоки, всегда были верными

— Наступило время, — продолжал старик. — Эти строки были начертаны окровавленной рукою и огненными буквами на стене в Штофной комнате. Вы и сами можете их прочитать. До настоящего дня, я не мог вполне понять их значения. Хорошо я знал, что время приближается, что срок уже пришел; потому что, как я и прежде сказал, прошло двести лет с той поры, как был произнесен этот приговор. До сего времени каждый Радок имел единственного сына, крепче и выше всех товарищей. Теперь наш род подходит к концу. Со мной последний из Радоков отойдет к своим предкам, и когда все это сбудется, когда возвратятся де Креспиньи в свое древнее поместье и к величию этих родовых стен, тогда не встретит их никто из Радоков, чужие руки будут им служить, чужие голоса будут откликаться на их зов, чужие шаги поспешат повиноваться им; только наши кости всегда будут покоиться около них, только наши души, верные по смерти, как и в жизни, вечно будут витать вокруг них!..

Старик замолчал и смахнул грубою рукою что-то вроде слезы, блеснувшей на его черных огненных глазах. Ансельм был глубоко тронут.

— Но каким же это образом? — спросил он с любопытством. — Как снимется это проклятие? Не могу понять? Повторите мне это предсказание.

Радок исполнил его желание и, произнеся с восторженным выражением последние строчки, замолчал, значительно посмотрев на собеседника.

— Друг, — заговорил он наконец, ближе подвигаясь к Ансельму и сурово вглядываясь в кроткие голубые глаза старого швейцарца, — друг, настало время. Ваша малютка отвратит роковой жребий: в ней заключаются невинность и молодость, знатность рода и незапятнанное имя. Нет, не уходите в страхе, — прибавил он, видя, что Ансельм вскочил на ноги при этих словах, —

я не выдам вас. Нет, я помогу вам и выведу на дорогу при первом рассвете дня. Но и не думайте меня обмануть. Когда вы приближались еще к этим воротам, как только взгляд мой упал на эту малютку, я все уже знал. И более того мне известно. Я знаю, что ею одною может быть снято проклятие и выполнено предсказание. Ваша малютка будет спать эту ночь в Штофной комнате.

Ансельм содрогнулся и отшатнулся от своего собеседника.

— «Будет обвенчан с тою, которою будет избавлен», — повторил Радок хриплым голосом, не спуская глаз с Ансельма. — И чего вы боитесь за нее? Она только спокойно проспит в покойной постели. Какое влияние могут иметь темные силы на непорочного ребенка? Клянусь честью! От вас зависит доставить ей счастливую будущность. Можете ли вы сделать для нее что-нибудь лучше того?

«И в самом деле, что он может для нее сделать?» — размышлял старик о своей нежной питомице, высокого рода, нежного воспитания. — «Неужели ей терпеть жестокую борьбу жизни в бедности?» Он раздумывал о ее детском возрасте, о своей дряхлой старости... и не мог более колебаться. Торопливо протянулась его рука и крепко была пожата рукой древнего служителя.

Ни слова более ими не произносилось. Оба курили свои трубки в молчании. Но вот Радок встал и засветил свой старинный роговой фонарь, Ансельм махнул рукою малютке. Ее усталость уже миновалась. Она весело подбежала к нему, ее шелковистые волосы развевались как тонкая вуаль вокруг ее очаровательного личика, она смотрела прямо ему в глаза и ее глаза были полны радости и жизни. О! ей непременно предстоит долгая-предолгая жизнь, жизнь счастья и любви!..

Картина вторая

Небольшая комната в замке, вся убранная штофом. Большая кровать под штофными занавесями. Два старика и одна девочка входят в дверь. Яркими, даже и тут ясными буквами начертаны слова на одном только непокрытом месте стены. В комнате нет ничего страшного, напротив, все тут показывает почти английский комфорт. Малютка в восторге и осыпает стариков вопросами.

— Неужели это правда, милый Ансельм, что я здесь буду ночевать? Эта хорошенькая комната для меня одной? Вот опять у меня будет настоящая постель! Сколько ночей прошло с тех пор, как я спала на настоящей мягкой постели!

Еще несколько минут и малютка приютила свою прекрасную голову на штофной подушке. Еще несколько минут и она бессознательно оставлена одинокою в этом заколдованном здании. Ансельм хотел остаться при ней и стеречь ее всю ночь, но Радок, боясь малейшего нарушения предсказания, не позволил ему оставаться в замке и насильно утащил его в свою избушку и замкнул дверь...

Картина третья

Та же комната — штофная комната. Но какими словами описать ужас этой сцены, от которой кровь стынет в жилах?

Тусклый, призрачный свет освещает это пространство — слабый, зеленоватый, болезненный свет, воздух наполнен туманными призраками; громадные голо-

вы с едва обозначенными, искаженными формами, лица с выражением адских, безобразных, мрачных ужасов, руки скелетов с когтями. На полу извивается чудовищная зеленая змея с налитыми кровью и страшно-человеческими глазами, преследует громадную кошку, черную, как смерть, с длинною-предлинною шерстью и кривыми рогами, которая в свою очередь изгибается для уничтожения животного, имеющего сходство с собакою, но с человеческими глазами и зеленоватой шерстью. Смешанные звуки криков, стонов, воплей, воя и шипенья. Посредине прелестная девочка скорчилась в смертельном ужасе на темной штофной подушке, она сидела, подняв голову, даже ее губы побелели от ужаса, ее блестящие глаза широко, широко тарацились, как будто и закрыться опять не могли, ее нежное, спокойное дыхание судорожно сжималось в горле, словно в предсмертной тоске... Проходили часы, а эта адская суматоха не прекращалась, и эти невинные глаза становились еще упорнее в смертельной тоске. И когда мало-помалу ускользали ужасные призраки, тогда в комнату стали прокрадываться более молчаливые видения.

Одна в этой штофной комнате, в страшный полуночный час, эта девочка видела своими собственными глазами лица и формы всех тех, кого суждено было ей встретить в будущем, всех своих будущих друзей и врагов. Тут и там обнаруживалось пред нею будущее, навсегда запечатлеваясь на ее свежей, детской памяти. Тут она видела и меня. Тут она узнала все, что случилось в ночь, описанную мною при начале. Тут она узнала и того, для кого она была выше целого мира, и тут же она узнала, как странно она омрачит до того светлую его жизнь...

Картина четвертая

Опять та же штофная комната. День рассветает. Два старика входят в дверь; один в жестоком страхе и дрожит от нетерпения узнать, что случилось с его малюткой, лицо другого обличает любопытство, смешанное с торжеством, в то время как он подводит или, скорее, тащит к постели своего спутника. Малютка здесь, но Боже! как она изменилась! какая горестная перемена! Она все еще, скорчившись, сидит у изголовья, все еще прячется за огромную штофную подушку, маленькие ее ручки судорожно ухватились за нее в смертельной тоске, и большие глаза широко, широко открывались, как будто никогда уже не могли опять сомкнуться. Что такое могли видеть эти глаза, если в одну короткую ночь исчезла из них вся их младенческая беззаботная ясность и заменилась этим диким, неподвижным, скорбным взглядом? На ее детском прекрасном лице проведены глубокие линии. Каштановые волосы побелели как снег. Тут уж я видела полное сходство с серою. Серое страшилище! Живая смерть!.. Старики посмотрели друг на друга. Радок знает, что проклятие снято с дома его властелина, но Ансельм чувствует, что это проклятие упало на головку его малютки...

Картина пятая

Прекрасный замок в Нормандии со всеми украшениями роскоши, скамейки на берегу реки, молодая девушка в суровой одежде серого цвета сидит неподвижно на траве, не читает и не работает, не размышляет и

не мечтает мечтами юности — только живет и переживает свою страшную смертоносную жизнь. Опять воздушное пространство преисполнено призраками, мелькают они вокруг нее, то исчезают, то опять являются. Ближе к ней скользит ее двойник, совершенно ее портрет, кроме глаз. Глаза девушки потеряли уже дикий, рассеянный взгляд ужаса, только глубокая скорбь, только предвидение предназначенного несчастья видно в ее взгляде. Но глаза призрака имеют дикое и злобное выражение. Лицо призрака всегда судорожно искажено такою гримасою, что страшно взглянуть. Призрак не дает ей покоя, все дразнит ее, но ни для кого не видим, кроме ее одной.

В некотором расстоянии подходит молодой человек, прекрасный собою, знатного рода, изящного вида. Это граф де Креспиньи, тот, с которого ею снято проклятие, род которого ею спасен. Сбылось предсказание: опять де Креспиньи господствует в своих поместьях замка Коридака, опять древние стены оглашаются звуками жизни и радости. Но проклятие пало на неповинную головку. Она вынесла из Штофной комнаты омраченный ум, заколдованную жизнь. В отношении малютки, предсказанию тоже надлежало исполниться. Богатство возвращено ей. Как это произошло, я не знаю: она не распространялась насчет этой стороны своей истории; но это прекрасное поместье было ее собственностью, и здесь она переживала свою заколдованную жизнь и ждала, ждала тот день и тот час, в который, она знала по предсказанию, должен явиться граф де Креспиньи.

И вот он явился. Тихо она встала и пошла к нему навстречу. Она положила свою руку на его руку, она подняла свои заколдованные, полные призраков глаза. С великим изумлением остановился молодой человек. Что это? несбыточный сон или действительность?

Ее красота превосходила всякое описание, столько в ней очарования и сколько невыразимой тоски. Много видал он на своем веку всеми признанных красавиц, но никогда ничего подобного ей он и не воображал. Бурно забилося его сердце, тихое движение сохраняло ее сердце. Для нее не существовали ни радость, ни печаль, ни любовь, ни ненависть, только заколдованная жизнь, только знание всего, что должно с нею случиться...

Картина шестая

Опять замок Коридак, но не Штофная комната. Светлая и веселая гостиная с окнами, выходящими на реку. Гостиная украшена со всей современной роскошью; у окна кушетка, на ней Живая Смерть; около нее граф де Креспиньи. Он привез свою молодую жену в замок своих предков. О ее первом посещении он ничего не знал. В ее мертвенном сердце, при возвращении на сцену прежних ужасов, не могли уже пробудиться чувства страха или страдания.

Вот они оба сидят молча, рядом, рука об руку. И смотрят они друг другу в глаза. Она не изменилась; все те же белоснежные волосы, все тот же грустный, в глубь заглядывающий взгляд, молодое и вместе старое лицо, мягкая серая одежда. Только ее призрачный двойник исчез; призрачные образы не появляются уже пред нею. Но в нем — о, какая в нем перемена! Исчезла в нем радостная молодость; нет прежнего живого блеска глаз, остроумного веселья, живости и жизни! Он тоже грустный и молчаливый. Они мало разговаривают. Она живет и вглядывается в свою заколдованную жизнь. Он живет и вглядывается в нее...

Картина седьмая

Опять тот же замок, но нет той же тишины. Уже за полночь; но огни горят и мелькают в древнем замке. Слуги в испуге бегают взад и вперед, торопливо сажают лошадей и в спехе мчатся по разным направлениям. Мужчины окликают друг друга; женщины и дети кричат и плачут; но один больше всех страдает, один, к которому стремятся все взоры, бледный, измученный, расстроенный. На его лице выражается вся тоска его сердца, а между тем, в его глазах было больше жизни, чем в то время, как мы видели его в последний раз; Он внезапно пробужден от сна блаженства, сливавшегося с тоскою. Серая бежала, или скорее, исчезла. Но Живая скрылась. Жена графа де Креспиньи была около него и вдруг исчезла, и никто не мог сказать, куда она скрылась. Только что она была здесь, ее рука была в его руке, и вдруг она исчезла и не находилось ни малейших следов ее исчезновения!..

Картина восьмая

Изображение сцены, которую я видела своими глазами и о которой хотя слабую идею старалась вам передать. Длинная и низенькая комната, занавешенная кровать, гроб и необыкновенная, хотя все еще прекрасная женщина в гробу. Она не говорила мне, почему и каким образом она покинула замок. Вот что она только сказала мне о том:

«Когда наступило время, я знала, что мне надо уходить оттуда. Мне не жаль было расстаться с ним, хотя он любил меня. Я не знала ни любви, ни ненависти».

Вот она и пришла в то место, где я нашла ее. Тут она прожила около сорока лет, все в гробу и все без надежды и радости, все без страха и любви, не зная ни интереса, ни занятия, ни жизни.

Де Креспиньи никогда не мог отыскать ее следов. «Не суждено было», — сказала она. Туманные истории о ее странном существовании, ее жизнь, похожая на смерть, служили предметами толков в окрестностях, но на это мало обращалось внимания; бедность и время ослабляют любопытство и сплетни. В случайных разговорах ее называли Ужасной Серою, Умирающей Смертью.

— А теперь, — сказала она, когда я закрыла книгу, — сделайте для меня то, что я скажу. Передайте эту книгу де Креспиньи; покажите ему сами страницу за страницей, картину за картиной. Он теперь в своем замке Коридак. Скажите ему, что я умерла, что вместе со мною проклятие оставило этот мир, а в будущем мире оно не коснется меня. Скажите ему, что я покинула его не по любви и не по ненависти, а потому, что так суждено быть и оно так и сбылось. Ему предстояло жить жизнью любви и счастья. Для меня ни то, ни другое не суждено в этом мире, но я иду туда, где найду и любовь, и блаженство. Теперь уходите и исполните мое поручение.

Я не смела не повиноваться ей. Украдкой еще раз осмотрела я эту фигуру, смерти подобную, эту темную, низкую комнату, дубовый сундук и гроб, и потом, схватив тяжелую книгу, повернулась к двери. Опять закутанная женщина скользила вперед, опять я следовала за нею по всем великолепным, призрачным комнатам, и солнце давно уже взошло, когда я очутилась в деревушке, откуда так странно была вызвана в самую полночь.

— Передали ли вы книгу? — спросила я с жадным любопытством, когда тетушка замолчала. — Были ли в замке Коридак? Видели ли графа де Креспиньи?

— Да, — отвечала тетушка. — Я не теряла времени и тотчас же отправилась в замок, куда направлена была так необычайно. Это величественное здание, со всеми признаками богатства и могущества его владельцев. Не было ни малейшего недостатка ни в красоте, ни в роскоши. Я отдала свою визитную карточку, с изъявлением желания видеться с графом наедине.

Когда я ожидала в великолепнейшей гостиной, богато одетая дама прошла на балкон, выходящий в сад. С нею было двое детей — мальчик и девочка. Оба были прекрасны и милостивы. Полузакрытая драпировкой, я слышала их полосу. Прежде всего, доносились до меня слова «папа и мама». Мальчик с жаром рассказывал историю какого-то ребяческого предприятия. Девочка иногда подсказывала веселое замечание. Дама слушала с улыбкой и потом приказала рассказать о том папе. Очевидно, они были дома. «Нет, — подумала я, — это не жена графа де Креспиньи. Не мог же он забыть свою призрачную жену!»

Увы! мысль женщины! И в то время, как я задумчиво следила за ними, подошел к ним еще четвертый человек. Высокий и величавый господин, по крайней мере, семидесяти лет, переходил через зеленую лужайку, и дети побежали к нему с криками: «Папа! папа!»; дама тоже поспешила к нему навстречу и оперлась на его руку. Могла ли я не узнать этого лица? Даже и в таком расстоянии, сходство графа с портретом его в книге было так поразительно, что я тотчас узнала его. Поспешно я отсторонилась с невольным восклицанием удивления — так различно я воображала себе встречу с мужем Живой Смерти.

Еще минута, и он подходил ко мне с поклоном утонченной вежливости, свойственной старому французскому аристократу.

Как я сообщила ему свою историю и как добралась до конца своего рассказа, теперь это мне кажется каким-то чудом. Сначала он слушал меня с видом благовоспитанной вежливости, но вскоре лицо его покрылось мертвенною бледностью; даже губы его побелели; рука его поднялась к глазам; он видимо дрожал от сильного волнения.

Когда я вынула книгу из-под плаща и положила ее пред ним, он отшатнулся с видимым ужасом, избегая прикосновения к ней; но, преодолевая свое волнение, он внимательно следил по картинам за моим рассказом, в котором так странно смешивалась история его прежней жизни.

По окончании, я подняла глаза на его лицо, на которое прежде не смела и взглянуть. Недолго тянулось его волнение. Крепко были сжаты его губы. Глубокие морщины были на его лбу и около глаз. Казалось, многие годы прошли над ним с тех пор, как я видела его в первую минуту с женою и детьми.

Два раза он пытался говорить, и два раза голос изменял ему. Да, он любил ее, эту Живую Смерть. Сильно и верно он любил ее, и ее память все еще жила в его душе.

Еще раз он попытался говорить, и на этот раз я могла расслышать его слова. Положив руку на «Черную книгу» и низко поклонившись, он сказал прекрасным английским языком, хотя с иностранным выговором:

— Благодарю вас, миледи, за выказанное вами благородное мужество и готовность оказать великодушную услугу. Простите, что я тороплюсь проститься с вами. Никто в мире не мог бы спокойно выслушать, что я сегодня услышал. Если вы позволите, то я напишу

вам. Вам, по справедливости, принадлежит право узнать всю истину.

Я встала и поспешила избавить его от своего присутствия, глубоко тронутая страданием этого благородного старика, так мужественно боровшегося под бременем своих воспоминаний и печали.

— Ну, конечно, дорогая тетушка, вы приняли его предложение? Вы не отказались получить от него объяснение всех этих чудесных приключений? — спросила я, увидев, что тетя готовится уходить.

— Напротив, душа моя, я заверяла его в своей искренней благодарности за исполнение этого обещания, — возразила тетушка, — и его письмо последовало за мною в Англию, ровно чрез месяц после нашего свидания; но так как в рукописи обозначалась просьба «сохранить тайну доверенности», то мне и приходится на этом прервать мой рассказ и предоставить на твой произвол или умирать от любопытства, или присочинить финал по твоему усмотрению. Однако, я могу объяснить тебе еще то, что второй его брак состоялся по любви только с одной стороны: жена была влюблена в него. Он же женился на ней по глубокому великодушию, свойственному его характеру; он воображал, что, против своего ведома, он подал ей причину думать, что он питал к ней то чувство, которое мог иметь только к Живой Смерти. Ну, вот теперь я сказала тебе все, что могла сказать о Серой, Сером Страшилище, Умирающей Смерти.

И с этими словами тетушка отправилась к своим больным, Макси и Пакси, оставив меня в утрюмой темноте маленькой гостиной, где обыкновенно бывало столько света и веселья. Летний дождь проливался потоками и яростно стучал в окна. Признаюсь, мне нелегко было справиться с наплывом мыслей и опираться на здравый смысл.

Дмитрий Булгаковский

**ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ
ЯВЛЕНИЯ УМЕРШИХ**

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ

ЯВЛЕНІЯ УМЕРШИХЪ.

ПЯТНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К^о., Фонтанка, 95,
1896.

Кто-то где-то сказал: «Можно гору сдвинуть с места, но факта нельзя уничтожить, он непоколебим». Пусть говорят скептики что хотят по поводу явлений умерших, пусть смеются над этими рассказами и считают их плодом больного воображения или следствием галлюцинаций — факт остается фактом — умершие являются живым.

Вера в загробный мир присуща всему человечеству, мысль о бессмертии души вечна, сообщения миров невидимого с видимым всегда были и, вероятно, никогда не прекратятся. Умершие сочувствуют живым, счастьем их радуются, в горе соболезнуют, в затруднениях подают советы, в опасностях предупреждают, от худых дел предостерегают. Доказать, конечно, эти факты пока нет возможности, но вера в них более и более захватывает человечество, и может быть, скоро наступит время, когда многое из мира сверхчувственного будет объяснимо.

Предлагаемые случаи явления умерших взяты мною из разных периодических изданий, и некоторые из них до того реальны, что, кажется, нельзя сомневаться в их действительности.

Д. Булгаковский

Недавно в Париже произошел следующий случай. Однажды утром к священнику явилась дама и просила его отправиться вместе с нею в приготовленной карете для напутствования св. тайнами умирающего ее сына. Взяв запасные дары и все нужное для приобщения, священник, в сопровождении дамы, скоро прибыл в указанный дом. Но когда он поднимался в квартиру, дама незаметно скрылась. На звонок священника вышел молодой человек, офицер — цветущего здоровья.

— Что вам угодно, батюшка? — спросил он вошедшего пастыря.

— Меня пригласила сюда какая-то дама к умирающему ее сыну, чтобы исповедать и приобщить его, — ответил священник.

— Тут явное недоразумение, — возразил офицер, — я один живу в этой квартире и не посылал за вами, я вполне здоров.

Собеседники между тем вошли в гостиную. Висевший над диваном большой портрет пожилой женщины невольно обратил внимание священника, и он сказал:

— Да вот эта самая дама была у меня, она и указала мне на вашу квартиру.

— Помилуйте, — ответил хозяин, — это портрет моей матери, умершей 20 лет тому назад.

Пораженный таким обстоятельством офицер выразил желание исповедаться и приобщиться, и на другой день скончался от разрыва сердца.

II

Две роты 74 горного полка из отряда полковника Гюга стояли в Шоракуре. Однажды в полуденное время капитан В., старший из офицеров, сидел в своей палатке, подготавливая почту, отходившую в этот вечер в Англию. Одна из сторон палатки была раздвинута для света и воздуха, и вот молодой солдат из его роты, в больничной одежде и без фуражки, внезапно появился перед капитаном и, не отдав ему чести, сказал: «Покорнейше прошу вас, капитан, сделать распоряжение, чтобы недополученное мною жалованье было отослано моей матери, живущей в Р., будьте так добры, запишите ее адрес». Капитан В. машинально записал адрес и прибавил: «Хорошо, — будет сделано». Затем опять, не отдавая чести, солдат удалился. Тут только капитан вспомнил, что одежда солдата и все его поведение было странно, несогласно с дисциплиной, и приказал ординарцу тотчас же позвать к себе сержанта. «Как это дозволили такому-то явиться ко мне в таком неподобающем виде?» — сказал капитан, когда сержант вошел в палатку. Слова эти поразили сержанта как громом. «Разве вы забыли, капитан, — воскликнул он, — что такой-то умер вчера в госпитале и сегодня утром его похоронили? Точно ли вы уверены, что видели именно его?» «Совершенно уверен, — ответил капитан, и вот тому доказательство — записанный мною с его слов адрес его матери, по которому он просил меня передать недополученное им жалованье».

— Очень это странно, — продолжал сержант, — имущество его продано сегодня с аукциона, но я никак не мог найти в ротных списках, куда следует отослать полученные деньги. Быть может, найдется что-нибудь в общих полковых списках.

Списки эти были проверены, и записанный капитаном адрес оказался правильным.

III

В июне 1851 г. опасно заболел мой старый друг Джон Харфорд, бывший более пятидесяти лет методистским проповедником, рассказывает почтмейстер м-р Хэпперфильд.

Чувствуя себя плохо, он послал за мной и, когда я явился, сказал мне: «Я очень рад, что ты пришел, друг Хэпперфильд; теперь я могу умереть спокойно, потому что уверен, что ты будешь заботиться о моей жене до самой ее смерти. Обещай мне это; ведь я тебя так давно уж знаю!» Я ответил: «Будь спокоен, я сделаю, что могу». «Я верю тебе», — сказал мне Харфорд, и скоро после этого (20 июня) заснул навеки. Я занялся его делами, и в конце концов оказалось, что у его вдовы остался небольшой капитал, которого, однако, было недостаточно, чтобы ее обеспечить. Я нанял для нее небольшую дачу и, с помощью нескольких друзей, постарался устроить ее как можно удобнее. Немного спустя прибыл внук г-жи Харфорд, бывший школьным учителем в Глустершере, и предложил взять старушку к себе. На том, с ее согласия, и порешили. Прошло несколько времени. Переписки мы не вели. Я исполнил свой долг и на том успокоился. Раз ночью лежал я без сна в постели и думал.

Уже почти светало. Вдруг я почувствовал, что кто-то находится в комнате. Занавеска, закрывавшая мою кровать, была внезапно отдернута, и я увидел перед собою своего покойного друга, смотревшего на меня грустно и задумчиво. В немом удивлении, я отчетли-

во расслышал следующие его слова, обращенные ко мне (сказаны они были совершенно натурально): «Друг Хэпперфильд, я пришел к тебе, потому что ты не исполнил своего обещания: жена моя в горе и нищете». Я ответил, что мною исполнен мой долг, что ни о каких стеснительных обстоятельствах, в которых, судя по его словам, находилась его жена, не слыхал, но во всяком случае, не оставлю ее своим попечением. Слова мои, по-видимому, удовлетворили призрак, и он исчез. Я тотчас же разбудил жену и рассказал ей, что случилось. Спать я более не мог, и лишь только встал, немедленно написал внуку г-жи Харфорд. В ответ он известил меня, что, вследствие разного рода неприятностей, лишился места и принужден был отказаться от мысли содержать свою бабушку, которую собирается отдать в богадельню. Я послал ему денег с просьбою прислать старушку обратно ко мне, что и было сделано. После этого г-жа Харфорд была вновь обеспечена во всех отношениях.

Ко всему этому следует прибавить, что человек я не нервный, а еще менее суеверный. Когда явился мне призрак моего старого друга, я не спал и не был в возбужденном состоянии. Преувеличений в моем рассказе нет; все описано, как случилось.

IV.

В один из московских монастырей поступил иеромонах из полковых вдовых священников. В скором времени предался он известной человеческой слабости — стал сильно пить. На увещания архимандрита несчастный слезно каялся и зарекался от сей слабости, однако неоднократно нарушал свой зарок. Архимандрит

наконец вынужден был войти к митрополиту Филарету с донесением и предложением запретить слабому иеромонаху священнослужение, хотя бы временно.

Святитель Филарет не особенно любил, чтобы начальники монастырей обращались за содействием к его высшей власти для устройства или поправки подведомых им дел. Архимандриту, часто жаловавшемуся на своих послушников, митрополит наконец сказал:

«И тот у тебя не хорош, и этот худ! Набери ты мне ангелов... а грешников старайся исправить!»

По делу же с бывшим полковым священником, вероятно, доводы архимандрита были довольно основательны, что владыка решил запретить ему священнослужение.

Резолюция, однако, не была еще написана и вот после обеда митрополит Филарет лег на диван для кратковременного отдыха. Лишь только смежил он глаза в легком сне, как видит своего бывшего любимого владыку, митрополита Платона.

Явился он к нему, как бы в прежнее время, в своем любимом Вифанском саду, одетый в легкую и простую ряску, в бархатной скуфейке на голове и, ласково глядя на Филарета, говорит ему: «Василий Михайлович! (под таковым еще светским именем знавал Филарета митрополит Платон) прости ты прегрешившего отца Ивана». И едва хотел Василий Дроздов, как бывало прежде, повергнуться к стопам любимого святителя, как видение исчезло, и митрополит Филарет открыл глаза, будучи еще объят живостью всей обстановки посетившего его видения,

«Какой такой прегрешивший отец Иван»? — подумал владыка, — «много у меня отцов Иванов!» — и за разными делами забыл об этом видении в тот же вечер.

Но вот в наступившую ночь видит владыка второй необыкновенный сон: является к нему император Алек-

сандр 1-й и тоже просит Филарета: «Не клади гнева, владыка, на моего храброго попа Ивана!»

«Сердцеведче Господи!» — думает владыка, проснувшись от сна. — «Кто такой поп Иван, что вот уже в другой раз души усопших из горних селений приходят просить меня о нем?..» И на имевшейся около его постели аспидной доске он записал, как имел обыкновение ловить мимолетные мысли, несколько слов на память.

После этого Филарет снова заснул, и по малом времени из сонной, подобно смерти, тьмы сознания выступил пред ним третий величавый образ фельдмаршала, князя Кутузова-Смоленского. Славный победитель Наполеона предстал пред владыкою старым и изможденным краткою, но смертельною болезнию своею, поразившею его во время погони за отступавшим великим полководцем, и тоже обратил к Филарету просительные слова: «Не входи в суд, владыко», — говорил обитатель загробного мира, — «снизойди к слабости духовника моего Ивана!»

Только что хотел было митрополит вздеть руку для благословения болящего старца, образ его как бы растаял во мгле, и Филарет снова пробудился.

Уже брезжил свет утра; пора было и вставать.

Сильно взволнованный такими необычайными снами, владыка стал пред образами и в усердной молитве просил у Бога вразумления.

Севши по некотором времени за дела, первое, что увидел владыка, — было дело о неисправном иеромонахе Иване, присужденном к запрещению. Филарета сразу осенило.

«Вот он!» — подумал святитель, — «это и есть тот поп Иван, чья судьба потревожила души великих людей в их вечном упокоении и заставила их явиться ко мне, недостойному, с просьбами... Да... он из полковых и

мог быть знаем этими персонами, — но что значит столь разнообразное их появление? Почто взволновали душу мою столь дорогие образы?!»

Никому не сообщая о своих тайных думах, владыка послал в монастырь за неисправным монахом, чтобы он в тот же день явился к нему.

С строгим взором и нахмуренным челом ждал владыка виновного иеромонаха.

Но вот и виновный. Отворив дверь покоя, где находился митрополит, келейник пропустил мимо себя высокого манатейного старца, в большой бороде которого седина не могла еще совсем побороть черного цвета молодости, и он пробивался сквозь нее прядями. Помолвившись и облобызав руку владыки, иеромонах упал ему в ноги и со слезами стал просить:

— Вем, владыко, почто звал еси мя! Не помяни греха моего! Стыд мой предо мною есть выну!.. Не лишай, владыко, благодати благословения десницу, благославлявшую Царя на битву!

Эти слезы и слова старца-монаха взволновали митрополита, и он, сдерживая волнение, сказал ему:

— Встань, слабый, и скажи мне, как протекла жизнь твоя и откуда ты произошел?

— Из причетнических детей, владыко, а обучался в московской духовной академии.

— Значит, ты должен помнить владыку Платона, когда он был учителем пиитики и катехизатором академии? — спросил Филарет.

— Помнить, владыко! — воскликнул иеромонах, всплеснув руками, причем обильные слезы снова полились из глаз. — Владыку Платона помнить?!... Пусть прилипнет язык к гортани моей, когда я забуду славить владыку Платона! Забудь меня Господь Бог, когда я хоть раз, отходя ко сну, забуду вознести мою молитву о владыке Платоне. Он питал ко мне отчую любовь; я

был у него лучшим учеником: владыка пророчил мне высокую участь, но волею Создателя я пошел в белое духовенство, а у владыки Платона явился другой, достойнейший преемник Василий Михайлович Дроздов, звезда коего воссияла и на ком до сих пор почитет благословение владыки Платона!

Иеромонах-старец, говоря это, плакал; по лицу митрополита Филарета тоже текли невольные слезы при воспоминании о Платоне, нарекшем его своим духовным преемником в деле проповедования слова Божия.

И этот, ныне виновный монах, и святитель, держащий судьбу его в своей власти, были когда-то одинаково близки сердцу Платона.

— Дальше, дальше, — говорил Филарет.

— Дальше — женился, и суета мирская объяла меня... что должно было расцвести и принести плод, еще в состоянии почки было побито хладом мятежной жизни... При полках протекало мое служение, и с ними я отправился в великий поход против предводителя галлов и с ними двадцати язык...

— Так... так... Ну, и здесь ты имел случай видеться с покойным императором Александром Благословенным?

— Неоднократно служил я на походе благодарственные молебны о дарованных нашему оружию победах, и сия недостойная десница благословляла монарха и была лобызема им с христианским благоговением.

— Но это к храбрости еще не относится... Что ж ты, воевал, что ли? — расспрашивал архипастырь.

— Меча в руки не брал, но силою креста Господня трижды прогонял супостатов и, вознося его пред строем дрогнувших воинов, вливал новую бодрость и отвагу и вел на вражеские окопы. Зело любим был я и простыми воинами и военачальниками, и сам монарх ло-

бызал однажды меня в уста, и слезы тогда блистали в его добрых глазах.

— Так вот ты каков!... — подумал про себя Филарет, оглядывая крупную и сильную фигуру иеромонаха.

— Ты говоришь, — военачальники тебя любили?.. Ты не состоял ли при Кутузове-Смоленском?

— Не состоял при нем, но был любим маститым князем. Когда в немецкой земле, в городе Бунлаве, се-го предводителя застиг внезапный и тяжелый недуг, я, недостойный, принял от него предсмертную исповедь, и напутствовал его в жизнь вечную.

«Так вот он каков, храбрый поп Иван!» — удивлялся в душе владыка, созерцая мощную фигуру, стоящую теперь пред ним, скорбно и смиренно согнувшуюся... «Да, многомятежна была жизнь его, и в свое время он был истинный иерей Божий и много пользы принес», — думал Филарет. «Нет, это не простое совпадение обстоятельств, столь легко разрешимое людьми материального образа жизни», — соображал старец-свяtitель, — «не войду я в суд с храбрым попом Иваном, снизойду и прощу ему, по глаголу отца моего, по духу владыки Платона!..»

Сказав несколько увещательных слов иеромонаху, владыка преподавал ему благословение и отпустил.

— Иди и не прегрешай более, — сказал ему митрополит Филарет, и иеромонах Иван по-прежнему стал священнодействовать, но от порока своего скоро совсем избавился.

— Так вот, господа, — закончил свой рассказ отец благочинный, — это происшествие, слышанное мною от лица, вполне достойного доверия и связанное с именем одного из величайших иерархов русской церкви, не способно ли поколебать материальные взгляды некоторых слишком прямолинейных людей? Мистицизм средних веков доходил, правда, до нелепости, но это

еще не служит причиною, чтобы человечество в своем дальнейшем развитии дошло до полного отрицания всего, что не можно ни взвесить, ни смеряти и потому, по словам поэта, — «надо похерити».

После минутного молчания, разговор гостей соборного протоиерея возобновился с удвоенною силою.

V

Барон N. передает следующий загадочный факт, свидетелем которого он был сам, и не может усомниться в его достоверности.

Во время пребывания его в Италии при посольстве, население одной известной местности пришло в сильное волнение по случаю появления в одном из дворцов, принадлежащих местной аристократии, двух призраков, виденных очень многими лицами: именно появления призраков некоего, всем известного графа и молодой красавицы, жены одного австрийского генерала, которую безнравственный граф уговорил бежать с ним от мужа.

Барон, человек сильный, могущий постоять за себя и не трусливого десятка, сверх того никак не допускавший подобных необычайных историй, вызвался провести ночь в заколдованном дворце с целью доказать нелепость распущенных слухов.

И вот он запасся парой револьверов, конфоркой для приготовления кофе, сигарами и интересною повестью, чтобы терпеливо дожидаться утра и возвращения своих товарищей.

Друзья оставили его сидящим в глубине большой бальной залы, преимущественно посещаемой, как уверяли, привидениями. Эта зала и две прилегающие к

ней комнаты, в одной из которых вышеупомянутый генерал отомстил за свою честь, убив оболыстителя и его любовницу, были в этот вечер ярко освещены.

Как я и ожидал, — рассказывал барон, — скоро начался шум и шорох, и я невольно рассмеялся при мысли, сколько нашлось людей, способных принять летучих мышей за привидения. Думая таким образом, он закурил новую сигару, наполнил чашку кофеем и продолжал читать начатую повесть. Вдруг послышались какие-то другие звуки, не похожие на первые. Барон не имел ни малейшего понятия о спиритических явлениях; но в его описании этих звуков каждый спирит тотчас узнал бы медиумические стуки. Прислушиваясь к ним, с целью объяснить их причину, барон оглянулся и тут вдруг увидел приближавшиеся с противоположного конца залы две фигуры, графа и жены австрийского генерала.

Обоих он знал при их жизни. Неслышными шагами подходили они к нему, но так естественно, что на минуту он принял их за живых людей. У графа глаза были опущены, а спутница его пристально смотрела на нашего друга, и оба проскользнули в дверь, выходящую в переднюю. Барон последовал за ними, держа револьвер наготове. «Говорите, кто вы? или я выстрелю!» — громко сказал он. В третьей комнате, именно в той, где совершилось двойное убийство и потолок которой до сих пор еще носит следы брызнувшего мозга из раздробленного черепа несчастного графа, барон выстрелил. Граф упал, а спутница его, пристально взглянув на барона, неслышно скользнула в противоположную дверь. Дверь захлопнулась за нею в то мгновение, когда барон подошел к месту, где, как он видел, упал граф. Но графа или его видимого образа там не оказалось, хотя тут же, в полу, находилась вонзившаяся в него пуля.

Когда на следующее утро пришли друзья барона, они нашли своего товарища лежавшим у открытого окна большой залы в бес чувственном состоянии. Три дня пролежал он больной в постели, и итальянские газеты много толковали про случай с неустрашимым англичанином. Он, впрочем, и до сих пор остался тем же неверующим в сверхъестественное, и теперь так же скептически относится к привидениям, а все-таки он допускает, что призраки, виденные им в замке, не были из обыкновенной плоти и крови.

VI*

В 1864 году летом прибыл к нам в село молодой человек, лет 25-ти, — рассказывает один приходский священник, — и поселился в чистеньком домике. Этот господин сначала никуда не выходил, а недели через две я увидел его в церкви. Несмотря на молодые лета, лицо его было помято, морщины кое-где легли целыми складками, и невольно говорили, что не без бурь и потрясений прошло его юношество. Он стал часто посещать нашу церковь, и не только в праздники, но и в будни можно было его видеть молящимся где-нибудь в углу при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил позднее всех, и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест.

Вот что передал о себе этот молодой человек:

«Отец мой был мелкопоместный помещик в Я-ской губернии Д. уезда; принадлежала ему одна деревенька. Тихо, плавно текла моя жизнь, и я был пример-

* Рассказ этот помещен в моей книге: «Из загробного мира».

ный ребенок. Но вот мне исполнилось десять лет, и я поступил в одно из среднеучебных заведений. Тяжело мне было привыкать к новой жизни: в заведении я уже не слышал более того теплого, истинно-религиозного наставления, какое мне давали дома на каждом шагу. Сначала я был религиозен и часто молился, но эта молитва была нередко причиной насмешек моих товарищей. Все воспитанники этого заведения без надзора родителей были страшными кощунцами, и их язвительные насмешки сыпались градом на мою голову за мою религиозность. Поддержки у меня не было, и моя охота к молитве слабела с каждым днем, сначала потому, что я стыдился товарищей, а потом опущение молитвы уже обратилось у меня в привычку; я пристал к моим товарищам и молитва уже более никогда не приходила мне на ум. Беседы и разговоры наши были самые грязные, богопротивные. Насмешки над священным писанием, над богослужением, над усердием и религиозностью некоторых священников и простого народа, — вот что было постоянным предметом наших разговоров. Сначала меня коробило от всего этого; потом время и общество притупили во мне и это последнее проявление доброго, остаток домашнего воспитания. Но все-таки, как я ни опошлился в этой среде, во мне было сознание того, что я грешу перед Богом; а между тем я продолжал делать то же, что и товарищи. Время шло. Я перешел в последний класс, и тут-то окончательно совершилось мое падение, и прежние насмешки над священными обрядами и религиозностью людей перешли в полное осмеяние всей Божественной религии. Я сделался отъявленным материалистом. Бытие Бога, бессмертие души, будущая загробная жизнь — все это я стал считать порождением фантазии и зло смеялся над всем. Крест — это орудие нашего спасения — я сбросил с себя и с каким-то пре-

зрением посмотрел на него... Когда я стоял в церкви по приказанию начальства, как я издевался, как смеялся над отправлением Божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался поесть скоромного, чтобы показать полное презрение к церковным постановлениям; святые иконы, жития святых были главными предметами моих насмешек. Всегда пред принятием св. тайн я старался хоть что-нибудь поесть и потом уже шел к причастию. Одним словом, в эту пору я был каким-то извергом, а не человеком.

Но вот наступило время выхода моего из заведения, и тут-то я ринулся со всей силой в бездну погибели, и много, много я увлек за собой чистых, невинных душ!...

В один год померли от холеры мои добрые родители и их-то теплая молитва пред престолом Всевышнего, должно быть, повела к исправлению заблудшего их сына. По получении известия о их смерти, я отправился в село к ним на могилу. Странно: как я ни опошлел, как ни смеялся над всеми святыми чувствами человека, все-таки привязанность к родителям осталась, и холодный развратный ум уступил голосу сердца — желанию побывать на могиле, и не осмел его. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что эта поездка на родину была началом моего исправления. Приехавши в родное село, я спросил церковного сторожа, где могила таких-то, и не думая перекреститься на церковь, отправился к указанному месту...

Вот уже могила от меня шагах в десяти, вот уже я вижу и свежую насыпь, но... вдруг потемнело у меня в глазах, дыхание захватило, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной тут было, только я пришел в сознание уж в квартире, нанятой моим слугою у одного крестьянина. Из рассказов его я узнал, что все окружавшие меня думали,

что со мною удар, потому что я был без памяти, с багровым лицом и пеной у рта. На другой день я встал совершенно здоровый и как ни ломал голову, не мог объяснить себе, отчего со мною сделался такой припадок. Потом я опять в те же часы дня отправился на могилу: но каково мое было удивление, когда и в этот раз случилось со мной то же, что вчера. Думая, что меня постигла падучая болезнь, периодически возвращающаяся в известные часы дня, я на третий день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошел на четвертый день и стал только приближаться к могиле, прежний припадок снова повторился. Вставши утром на другой день, я встретил своего слугу каким-то испуганным, боящимся меня. После я узнал, что он тут же порешил, что в этих припадках что-нибудь недоброе, и что я, должно быть, слишком грешен, коли Господь не допускает меня до могилы родителей. Счастливее меня он был тогда: у него была вера в Промысел, вера в Бога, а я был жалкий человек и не хотел признавать во всем этом перста Божия. Впрочем, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послал на ближайшую станцию за доктором. Доктор обещал прибыть на другой день и, в ожидании его, я уснул в 12 ночи. Утром я проснулся рано, и Боже мой! страшно вспомнить: я не мог пошевелиться, язык не повиновался, я лежал весь расслабленный, тело мое было все в огне, губы высохли, я чувствовал страшную жажду и окончательно упал духом.

Явился доктор, осмотрел меня и дал лекарство. Началось лечение. Сначала доктор прописывал мне лекарства без затруднения, но потом долго, долго иногда просиживал около меня, кусая губы, и однажды, после шестинедельного леченья, написал мне на бумаге: «Имея дело с мужчиной, я всегда открыто говорю о его болезни, как бы она ни была опасна; ваша

болезнь необъяснима, несмотря на мои усилия понять ее; поэтому, не предвидя успеха от трудов моих, я оставляю вас ждать, когда она сама собой откроется». Каков же был мой ужас, когда меня оставила человеческая помощь, на которую я только и надеялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отверг мой развращенный ум. С каждым днем болезнь моя усиливалась и осложнялась: на теле появились прыщи, которые перешли в гнойные раны, от них несся смрад­ный запах, я не знал, что делать. Целые ночи я не спал и не находил себе покоя.

Но вот однажды, только что я стал засыпать, вдруг чувствую в своей руке чужую руку. Я вздрогнул, рас­крыл глаза и — Боже мой! — передо мною стояла моя мать. Я не мог вообразить, каким образом она очути­лась передо мною... Да ведь она умерла, подумал я, как же она явилась мне? А между тем, сердце билось во мне. Мать моя была вся в белом, и только в одном ме­сте виднелось черное пятно; лицо ее было сумрачно, и она была вся в полумраке. “Я твоя мать, — начала она, — твои беззакония и твоя распутная жизнь, пол­ная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хо­тел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не толь­ко погубил себя, но даже запятнал и нас, и это черное пятно на моей душе — твои тяжкие грехи. Господь, говорю, хотел поразить тебя, но отец твой и я моли­лись пред престолом Всевышнего о тебе, и Он захотел обратить тебя к Себе не милостию, потому что ты это­го не мог понять, а строгостию. Он знал, что одна мо­гила наша для тебя дорога здесь, и потому не допус­тил тебя к ней, поражая сверхъестественною болезнью, дабы ты признал над собою высшую силу, тобою от­вергнутую, но ты не обратился. Потом Господь послал меня к тебе — это последнее средство для исправле­ния. Ты не признавал Бога, будущей жизни, бесмер-

тия души, — вот же тебе доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю с тобою. Уверуй же в отрицаемого тобою Бога. Вспомни твою мать, которая, жизни не жалея, старалась сделать из тебя истинного христианина!” С этими словами лицо ее более помрачилось, раздались в комнате рыдания ее и потрясли всю мою душу... “Еще раз заклинаю тебя, — продолжала мать, — обратись к Богу. Ты не веришь, и может быть, думаешь объяснить мое явление тебе расстройством твоего воображения, но знай, что твои объяснения ложны и я своим духовным существом теперь предстою пред тобою. И в доказательство этого, вот тебе тот крест, который ты отверг, — прими его, иначе погибнешь. Уверуй, и твоя болезнь исцелится чудесным образом. Погибель и вечный ад тебе, если ты отвергнешь меня!” — так сказала мать и скрылась. Я опомнился и увидел в руке маленький крестик.

Все это до самой сокровенной глубины потрясло мою душу. Совесть поднялась со всей силой, прежние убеждения рушились и я в минуту, кажется, весь переродился. Какое-то сладостное, непонятное чувство у меня явилось в груди, и я хотел уже поблагодарить Бога за Его милость, но в эту минуту вошел мой слуга с чайной чашкой, наполненной водою. “Испей-ка, батюшка, может быть, и полегче будет, — эта святая водица с животворящего креста”, — проговорил он. Я с радостью принял его предложение и, приподнятый им, выпил воды. Господи! не могу без волнения вспомнить этой чудной минуты. Я тут же чувствовал себя здоровым: члены мои стали повиноваться, язык стал свободно говорить, на месте струпов остались одни только пятна. Я встал и первым моим делом было помолиться перед образом, который принес слуга. После этого я пошел в церковь и там молился, и сколько было искренности в этой непритворной молитве! Тут же я от-

правился на дорогую могилу, целовал ее и плакал, и эти горячие слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаянием блудного сына».

VII

Много лет тому назад, в бытность мою в Москве, навестила меня крестница моего покойного отца, бывшая замужем за учителем уездного училища в г. Корчеве, Тверской губернии. Муж ее человек еще очень молодой, и несмотря на то, что по каким-то обстоятельствам не мог окончить курса в московском университете, был человек очень умный и развитой. Рассказывая мне про свою счастливую семейную жизнь, Лиза жаловалась только на здоровье мужа, страдавшего с некоторого времени довольно сильным нервным расстройством вследствие одного очень странного случая в его жизни.

Вот что рассказала мне моя крестница. Жили они очень уединенно. Кроме своих занятий в училище, он много читал и любил ходить на охоту. Охота сблизила его с недавно приехавшим в Корчеву на место уездного врача еще очень молодым медиком, по фамилии Минике, только что кончившим курс в Дерптском университете. Вскоре они так подружились, что проводили свободное время вместе за чтением и на охоте. Часто разговоры их касались разных философских и религиозных вопросов, между прочим, и жизни загробной. В одной из своих дальних прогулок по лесу, окружавшему Корчеву, они разговорились о бессмертии духа и о некоторых известных тому или другому случаях явлений по смерти. Под впечатлением разговора, Минике сказал: «Дадим друг другу клятву в том, что тот, кто

первый из нас умрет, явится тотчас по кончине другому». Клятва дана была очень серьезно с обеих сторон.

Оба еще очень молодые, они никогда не думали, чтобы одному из них пришлось вскоре исполнять данное слово.

Несколько времени спустя, в городе Ржеве открылась сильная холера, медиков там недоставало и Минике откомандировали туда.

— Вскоре после его отъезда, однажды вечером сидела я в детской, укачивая ребенка, — продолжала рассказ крестница, — а муж занимался в кабинете; вдруг я услышала страшный крик в его комнате и, положив ребенка в колыбель, бросилась к нему. Муж мой сидел в кресле бледный и весь дрожал. На вопрос мой, что с ним, он едва мог выговорить: «Стакан воды». Выпив глоток воды, он несколько пришел в себя и сказал едва слышным голосом: «Он был здесь». — Кто? — спросила я.

— Минике, — отвечал муж и, когда успокоился, то рассказал мне, что читал он с большим вниманием и интересом, и вдруг почувствовал, что его точно что потянуло оторваться от книги и взглянуть на дверь. В дверях, выходящих в гостиную, он увидел Минике и сперва радостно вскрикнул: «Когда это ты вернулся?» Но тут Минике молча приблизился и остановился перед ним, устремив на него долгий неподвижный взгляд, и затем молча исчез. Тут невыразимый ужас овладел мужем, и он невольно громко вскрикнул: «Минике умер!», припомнив данную ими друг другу клятву.

Через два дня получено было известие из Ржева, что Минике скончался от холеры именно в тот день и час, когда явился моему мужу.

VIII

Молодой известный художник А., был приглашен погостить у своего друга Изора. Его поместили в большой, прекрасной комнате, лучшей в доме. В продолжении трех дней молодому художнику жилось отлично, исключая того, что каждую ночь он видел страшное видение. Ему казалось, что он просыпается от того, что кто-то входит в его комнату. Приподнявшись на постели и осматриваясь кругом, он видит комнату, ярко освещенную, и какую-то статную и нарядную даму, стоящую у окна и выбрасывающую в него какой-то предмет. Потом дама поворачивается к нему лицом, и лицо это до такой степени искажено дурными страстями, что он вздрагивает от ужаса. Затем свет в комнате и отталкивающий образ женщины исчезают, оставляя молодого человека под влиянием какого-то ужасного кошмара.

По возвращении художника домой, впечатление страшного видения до такой степени преследует его, что он набросал его на бумагу, причем так рельефно схватил выражение ужасного лица, что оно поражало всех, кому только ни показывал художник свой рисунок.

Спустя некоторое время, художник опять приехал к Изору, который между прочими развлечениями предложил ему осмотреть свою картинную галерею. Каково же было удивление художника, когда он узнал в портрете одной величественной, изящно одетой дамы образ той, которая три ночи сряду тревожила его сон. На портрете, однако, не было отталкивающего зверского выражения, которое имело привидение.

Взглянув на портрет, художник не мог удержаться от восклицания:

— Я видел где-то эту даму!

— Едва ли, — сказал Изор, — эта дама умерла уже более ста лет назад. Она была второю женою моего деда и, к сожалению, своими поступками не сделала чести нашей семье: на ней лежало сильное подозрение в убийстве сына ее мужа от первой жены, с целью дать возможность своему родному унаследовать все состояние старика. Несчастный ребенок разбился до смерти, упав из окна, и было много причин подозревать, что его столкнула мачеха.

Тогда художник рассказал своему другу о привидении, являвшемся ему три ночи кряду у него в доме. Тотчас послали за рисунком. При сличении набросанные черты лица оказались совершенно одинаковыми с портретом в галерее Изора. С рисунка этого была снята фотография.

IX*

Лет около пятнадцати назад, — рассказывает Сенковский, — я служил чиновником военного ведомства и заведовал складом военных припасов в окрестностях Петербурга, как вдруг надо мною неожиданно стряслась беда. Из моего склада, неизвестно каким образом, пропали вещи на довольно значительную сумму. Самые тщательные розыски, произведенные по горячим следам, не могли открыть похитителя. Положение мое легко себе представить: получаемого мною содержания даже в сложности за несколько лет не хватило бы на покрытие пропажи, а тут еще предстояло

* Рассказ этот помещен в моей книге: «Из загробного мира».

следствие и всевозможные неприятности по службе. Положение мое было самое ужасное. Года за три перед тем я овдовел, оставшись с двумя детьми 6 и 4 лет, и уже с год, как был женат на другой жене. Как мы ни судили с женой, что нам делать, ничего придумать не могли. Одна из наших знакомых, набожная старушка, посоветовала жене отправиться в Петербург и отслужить молебен в часовне, что при Вознесенской церкви, в которой по ее словам, находилась икона святого, молитва которому помогает отыскивать пропавшие вещи. Утопающий, как говорится, и за соломинку хватается, а притом жена и я всегда были люди религиозные, так что понятно, что совет этот как нельзя более пришелся нам по душе. Согласно этому совету, я отправил на другой же день жену в Петербург, заказав ей отслужить молебен и поставить свечи, как советовала наша знакомая, сам же с детьми и тещей, матерью второй моей жены, остался дома. Дело было летом, ночи были довольно светлые, и я долго ходил у себя в гостиной, раздумывая о своем горе. Наконец, утомившись, отправился в спальню, в которой ставни были закрыты и было совсем темно; тут же спали дети. Через комнату спала моя теща. Притворив слегка дверь в гостиную и взглянув на детей и посидев еще немного в раздумьи на кровати, я приготовился уже раздеваться, как вдруг сквозь неплотно прикрытую дверь увидел в гостиной какой-то свет. Полагая, что я позабыл потушить свечу, приподнялся было с кровати, но в тот момент неслышно отворилась дверь, и на пороге появилась с горящею восковою свечою моя покойная жена. Странное дело: я не только не испугался ее появления, но даже как будто и не удивился тому, точно какое-то затмение на меня нашло, и как будто это был совершенно естественный факт. Я хорошо помню, что я очень мало был взволнован и удивлен появлением покой-

ной. «Здравствуй», — сказала она и подошла ко мне, держа восковую свечу в руке. Не помню теперь, что я отвечал на это приветствие, но помню только, что почти тотчас вслед за тем сказал: «Ты знаешь, какое у меня горе?»

— Знаю, знаю, — отвечала она, — но не беспокойся очень, я помогу тебе.

Я стал умолять открыть мне похитителя, но она отказалась это сделать, говоря только, что поможет мне перенести мое горе.

— Ты не сердись, — говорю я, — что я так скоро женился?

— О, нет, даже напротив, это ты хорошо сделал.

Далее благодарила меня, что я не забываю ее в молитвах. «Вы, живущие, — сказала она, — не можете понять, что мы чувствуем, когда вы за нас молитесь». Я забыл сказать, что во время этого разговора она восковую свечу, которую держала в руках, прилепила к лежанке, накапав воском. Разговор перешел затем на детей. «Что же ты не взглянешь на детей?» — сказал я ей. «Я их и без того посещаю», — ответила она, впрочем, взяла свечу и подошла к спящим детям. В это время раздался голос тещи из соседней комнаты. «С кем ты разговариваешь, Николай?» — и с этими словами я услышал, что теща поднялась с кровати и стала надевать туфли. «Прощай, — сказала мне жена, — никто не должен видеть меня с тобой». Я стал удерживать и повернулся к двери, чтобы припереть ее, так как шаги тещи уже приближались, но когда обернулся снова назад, то ни жены, ни света уже не было, и в комнате царил полутьма летней ночи.

Вошедшая теща была удивлена, что перед этим она слышала разговор двух голосов, а вошедши, никого не застала, кроме меня. Что это такое было, я не могу до сих пор объяснить себе. Конечно, скажут — простое ви-

дение, но вот что странно: осмотревши вслед за тем лежанку, на которой была прилеплена восковая свеча, я заметил *очень явственные следы на капанного воска*, которых, по моим соображениям, раньше не было. Другое обстоятельство, заставляющее меня думать, что тут было нечто другое, чем обыкновенное видение или галлюцинация, касается произнесенных женою слов, относившихся к детям: «Я их и без того часто посещаю». Недели за три до этого таинственного случая, ходившая за детьми нянька доложила мне, что она уже два раза, входя в комнату спящих детей, была перепугана присутствием какой-то женщины, наклонявшейся над постелью детей, и с ее появлением сейчас исчезавшей. Когда я теперь попросил няньку описать наружность являвшейся женщины (она совсем не знала покойницу, так как незадолго перед этим поступила к нам), то описание ее во всем сходилось с наружностью первой моей жены.

Х

В числе многих писем, оставшихся после смерти ярославского преосвященного Евгения, умершего на 94 году жизни, сохранилось одно весьма интересное — касательно перемещения его из Пскова в Тобольск. В дневнике его о сем перемещении читаем следующее: «1825 июля 25 послал письмо, которым просил, чтобы переместили в Тобольскую епархию, которая тогда была праздною». Какая тому была причина, ни в письме не объяснил и никому не открыла. Не было, впрочем, ни бед, которые все уже отвращены, не имел ни с кем и вражды или от кого-либо обиды, будучи со всеми всегда откровенным и искренним; и в последней своей

проповеди пред Богом свидетельствовал, что он всем и всеми был доволен. Но бывают в жизни случаи и намерения, коих основание одному Богу известно. А что оно было достаточно и пристойно, этому тем более можно верить, что Евгений во всю свою долголетнюю жизнь никогда и не о чем не просил, всегда Богу поручая свою участь.

Смерть преосвященного Евгения дает возможность снять печать тайны, поведать которую преосвященный Евгений не заблагорассудил в своем дневнике. Из письма его к одному иерарху, давно уже умершему, открывается, что причиною просьбы его о перемещении в Тобольск было таинственное видение. Вследствие этого видения преосвященный поспешил обратиться к первенствующему члену св. синода, митрополиту Серафиму, с письмом, прося представить его к замещению тобольской кафедры, но не открывая причины своей просьбы. Такое же письмо он писал к другому члену синода, архиепископу ярославскому Аврааму. Оба члена синода были изумлены тем, что Евгений, неизвестно почему, просится из лучшей епархии в худшую и отдаленную, и отвечали ему отказом. Евгений снова обратился к ним с просьбою о ходатайстве пред Государем Императором о перемещении его в Тобольск, присовокупляя, что если и на сей раз получит от них отказ, сам будет просить Государя о перемещении в Тобольск. На сей раз Евгению удалось расположить помянутых членов синода в свою пользу, но один из них, архиепископ Варлаам, просил Евгения объяснить ему конфиденциально причину настойчивого желанья променять одну кафедру на другую. Евгений не скрыл от него этой причины в ответном письме. Вот что он сообщил: «Весь просвещенный свет смеется снам. Духовный регламент не велит производить в священники тех, кои верят снам. А я должен открыть В. В.,

что не иная причина моего перемещения. Это, без сомнения, изумит Вас: но прошу выслушать, какого сорта мой сон.

Их было три — первый и второй через два дни, один после другого, третий после второго спустя три дни. В первом видится покойная моя матушка; сон очень ясен. “Я, — говорит, — пришла к тебе нарочно посоветовать, чтобы ты просился из псковской епархии”. Много было разговоров *и за и против*, но заключила она тем: “Я этого от тебя требую и непременно приказываю, — этого требует польза души твоей”. С этими словами она простилась со мной, и что потом снилось, не помню.

Проснувшись, я этим нисколько не занялся. Спустя два дни, видится мне отец, покойный же, коего я во сне никогда не видал: будто стоит у церкви на паперти и говорит: “Евгений, поди сюда”. Я подошел: он меня благословил и поцеловался. Потом говорит:

— Была у тебя мать?

Я отвечаю — была.

— Что же ты ее не послушал? Ее я послал к тебе.

— Зачем же мне из Пскова? Мне здесь хорошо.

— Для того-то и выдь, что хорошо, — этого требует польза души твоей.

— Куда же мне выйти?

— Теперь много архиерейских вакансий. Послушайся; прости же, мне время служить.

И, простясь, ушел в церковь, а я проснулся.

Этот сон сделал на меня сильное впечатление. Я думал и передумывал, и окончил тем, что основываться на сне было бы странно, а других резонов, чтобы проситься, не мог придумать.

Спустя три дни видится мне митрополит Платон, будто ко мне взошел в кабинет. Я очень смешался, что мне не сказали. Хватаюсь за рясу и камилавку. Он мне говорит:

— Не заботься о пустом. Я пришел о деле с тобой поговорить, что не слушаешься отца и матери?

— В чем?

— Для чего не просишься из Пскова?

— Куда же проситься? Вакансии епископские — неужели о понижении?

— Неправда, есть высшая — Тобольская.

— Ваше Высокопреосвященство, — это Сибирь.

— Но ты не достоин и епископской. Повинуйся, я тебе повелеваю именем Божиим (при сих словах я весь задрожал).

— Повинуюсь, но к кому я пошлю просьбу?

— К Аврааму.

— Что напишу?

— Ничего, только просись.

— Но если не уважат без резона?

— И будет принята, и исполнится.

Потом он снял со стены образ и, подавая, сказал: “Целуй в знак клятвы”. Я поцеловал, и потом он благословил меня и сказал: “Теперь, ежели не послушаешь, будешь под клятвой”, и вышел вон с последними словами. Я проснулся, и поверите ли, почтеннейший архипастырь, *я слышал их проснувшись и видел его выходящего из двери*. Я вскочил посмотреть далее, но более уже ничего не видал. Вот вам исповедь моя совершенная. Посудите, мог ли я противиться?»

XI

Было около половины апреля, рассказывает Гейнце. Я служил в то время в московском окружном суде и жил неподалеку от Кремля по Моховой улице в номерах Скворцова, известных среди московских студен-

тов под сокращенным прозвищем «Скворцы». Пришедши в четыре часа со службы, я пообедал и, сидя на диване, начал читать какую-то книгу. Расположение моего номера было самое обыкновенное: довольно большая комната была разделена перегородкой на три части: маленькую переднюю, спальню и приемную. Диван стоял так, что я мог, сидя на нем, видеть входную дверь. Был, как я уже сказал, пятый час вечера; на дворе было совершенно светло, день был солнечный. Случайно взгляд мой, оторвавшись от книги, упал на входную дверь, на которой заметил небольшой светлый кружок, похожий на то, когда дети шалят, пуская зеркалом зайчиков по стене; но номер мой был в третьем этаже, в окнах находившегося напротив моего номера здания не было видно никого. Я, встав с дивана, внимательно осмотрел эти окна и снова сел на диван, посмотрел на дверь — светлый кружок делался все больше и больше; я замер, наблюдая это странное явление. Светлый круг обнимал уже дверь, когда из него стала отделяться темная фигура, делаясь все рельефнее и рельефнее. Вот она совершенно отделилась от стены и стала медленно приближаться ко мне: я слышал шорох мягких шагов и сидел не шелохнувшись, как пригвожденный к месту. В этой фигуре я узнал моего покойного отца, умершего в январе 1880. Он был одет в фрачную пару. Кроме каштановых усов с сильною проседью, которые он носил при жизни, он оказался обросшим коротенькою, совершенно седою бородой. Призрак приблизился к преддиванному столу, обошел его и сел со мной рядом на диван. Я не в состоянии был не только крикнуть, но произнести слова: страх, я откровенно сознаюсь в этом, сковал мой язык.

Призрак протянул мне руку, я машинально подал ему свою; рука загробного гостя не обладала холодом

трупа; напротив, она производила впечатление руки человека, пришедшего в комнату со двора, — в ней чувствовалась свежесть. Он заговорил; голос казался выходящим из-под полу, он был глухой, но все-таки похожий на голос отца. Я позволю себе опустить подробности этого разговора, касающиеся лично меня; скажу лишь одно, что он сообщил мне такие вещи, о которых не мог знать при жизни, так как многое случилось уже после его кончины.

Я несколько времени не мог придти в себя.

Вечером после описанного мною явления я поехал к моей матери, которая в то время жила в здании Екатерининского института, где она и получила образование, твердо решившись расспросить ее подробно о болезни и похоронах отца.

— Скажите, пожалуйста, в чем вы его положили?
— задал я ей вопрос.

— Во фраке...

— Он до последнего времени не носил бороды?

— Нет, но во время болезни у него отросла совершенно седая борода.

— Да ведь у лютеран в обычае брить бороды по смерти тем, кто не носил их при жизни?

— Мне это говорили, но я не согласилась и положила его так, с бородой... Да зачем все это тебе?

Оказывается, что я, не выдавши его ни во время болезни, ни после смерти, видел его именно таким, каким его положили в гроб.

ХII

У меня была сестра, умершая внезапно в прошедшем году в Дюнкирхене, рассказывает одна поселян-

ка из Герцеле в Голландии. На следующий день после ее смерти умер и ее шестимесячный ребенок. Их похоронили вместе, и я была на похоронах. Месяц спустя, в октябре, когда я вечером ожидала возвращения мужа с работы и подкладывала дрова в камин, послышался стук приподнятой щеколды. Были сумерки, лампа не была еще зажжена. Предполагая, что это муж, я не дала себе труда обернуться и посмотреть на дверь. Не слыша, однако, другого звука, я оглянулась и похолодела от ужаса. Полено выпало у меня из рук, и я думала, что умру на месте. Я увидела мою сестру посреди комнаты с ребенком в руках, увидела ее так ясно, как нельзя лучше. На ней было то самое платье, в котором я видела ее в последний раз перед смертью; она стояла неподвижно, разгоревшееся пламя осветило ее лицо и я заметила, что она необыкновенно утомлена и грустна. Я так дрожала, что не могла стоять на ногах и села, сделав крестное знамение на себе. Сестра не двигалась с места. Зубы у меня стучали, как в лихорадке.

— Сестра, — промолвила я наконец, — не ты ли умерла в Дюнкирхене?

— Точно я, — ответила она слабым голосом.

— Не молитвы ли ты просишь у меня?

— Марианна, все это время я старалась поговорить с тобою. Незадолго до смерти я обманула на двадцать франков родственницу моего мужа: пошли, ради Бога, эти деньги тетке Дезире, и та отдаст их кому нужно.

Я обещала ей это, и взглянув на нее с большим самообладанием, увидела, что одежда сестры как бы погружалась в пол.

— Придешь ли ты опять? — спросила я.

— Не знаю, это очень трудно. Я больше двадцати раз пыталась прийти сюда, но меня всегда удерживало какое-нибудь препятствие. Однажды твой муж, дру-

гой раз дети помешали мне, и вот я наконец пробралась к тебе. Не забудь же своего обещания насчет денег.

С этими словами она исчезла, и я снова услышала стук щеколды. Стало совершенно темно, и мне было до того жутко, что холодный пот выступил по всему моему телу. Вскоре пришел мой муж и рассказал, что на дороге кто-то схватил его за плечи и несколько времени крепко держал на месте; было это минуты за две, за три до прихода домой.

ХІІІ

На днях один очень почтенный сановник передал мне следующую странную историю, имевшую место в начале 60 годов, в здании одного из министерств в Петербурге.

— Я был делопроизводителем в нашем департаменте, — рассказывал он, — а директором был мой дядя. Обедал я у него чуть не ежедневно, тем более, что жена его была барынька пречудесная и ко мне, холостому племяннику, относилась весьма сочувственно. понадобилась однажды вечером дяде справка; не хочет ждать до утра — сейчас ему подай, а справка у меня в столе в департаменте и ключ у меня. Дядя говорит: сейчас велю заложить лошадь, поезжай и привези немедленно. Ну что делать — поехал. Зимний вечер, снег, вьюга. Приезжаю. Конечно, некоторый переполох. Сторож у нас был из переkreщенных жидов, звали его Шмуль Занн. Он засуетился, зажег сальную свечку (ведь это теперь по всем министерствам электрическое освещение, а тогда только по стенам горели лампы и то масляные), и отправились мы с ним во второй этаж

в департамент. Лестница огромная, темно, от свечки даже точно темнее еще стало — дает она только маленький круг света, а остальное — мгла самая беспросветная. В окна вьюга так и стучит, все закидало хлопьями, стекла звенят. Ко всему этому я всегда поверхностно относился и потому на нервы мои это не действовало. Идем дальше и дальше. Отпирает Шмуль одну дверь, другую. Вот и департамент наш: огромная карта российской империи во всю стену, портреты государей во весь рост.

Только что мы стали входить в ту комнату, где я, по обыкновению, занимался, показалось мне, что кто-то серый такой выходит в противоположную дверь. Показалось мне, и тотчас же я отогнал эту мысль, решив, что это тень от нашего шевелящегося пламени. Даже не вздрогнул я, а подошел к своему столу и говорю Шмулю: «Свети хорошенько», вынул ключ, отпер ящик и стал рыться.

Но едва я сел и воцарилась тишина, как совершенно явственно послышались в соседней комнате шаги.

— Шмуль, — говорю, — там есть кто-то?

А он отрицательно трясет головой.

— Никого, ваше высокородие, извольте быть спокойны.

Ну что же, думаю, верно, это ветер. Нашел бумаги, задвинул ящик, только хотел встать, слышу, что там не только шаги, а и стулом кто-то двигает.

— Шмуль, — говорю, — разве ты не слышишь?

— Слышу, только это так. Извольте уходить!

— Как так? Пойдем посмотрим...

Тут уже он скорчил недовольное лицо.

— А ну ее, — говорит. — Ну, чего смотреть?!

— Да ты про кого это?

— Да про бабу.

— Про какую бабу?

— Да что тут ходить.

— Что ты врешь! Какая баба? Зачем она здесь? Гони ее вон!..

Он протянул шею и повел носом:

— А как ее выгонишь, коли она не живая?!

— Ты опять пьян?

— Никак нет. Извольте спросить у всех сторожей. Как девять часов ударит, и пошла стучать по всем комнатам... И ребенок на руках...

Меня взорвала эта глупость.

— Бери свечу, идем.

И опять, едва мы вошли в соседнюю комнату, я увидел, что кто-то промелькнул в двери. «Шалишь», — подумал я и скорыми шагами направился туда. Сзади ковылял Шмуль и все твердил:

— Оставьте, ваше высокородие, лучше вернитесь.

В третьей комнате я уже ясно видел, как между столов, торопясь и путаясь, шла невысокая, худенькая бабенка, в платке на голове, в кацавейке, с чем-то завернутым в одеяло.

— Что тебе надо? Пошла вон! — крикнул я.

Она на мгновение остановилась, испуганно оглянулась и затем, быстро семеня ногами, пошла по анфиладе темных комнат.

Я пошел за нею.

— Стой! постой! кто ты? Как попала сюда?!

Но она не оборачивалась, не останавливалась. Я решил остановить ее во что бы то ни стало; я знал, что загоню ее в последнюю комнату, откуда нет выхода. Но вот тут-то и произошел казус. Она, очевидно, прошла сквозь запертые двери, оттого что за мгновение перед тем я видел ее в дверях и так близко, что почти дотрагивался до ее плеч, а чрез мгновение руки мои встретили наглухо запертые створки и больше ничего.

Холодный пот выступил у меня на лбу, я растерянно взглянул на Шмуля.

— Ну и что, взяли, — сказал он совсем хмуро. — Охота, ваше высококородие, со всякою, можно сказать, мерзостью возиться!

— Шмуль, да это что же?.. — спросил я.

— Да если она толчется здесь каждый вечер, значит, так надо, — философствовал он, — значит, ее земля не принимает..

— Ты ее часто видишь?

— А кто ее не видит? Ее все писаря видят, что внизу живут, она у них все по коридору ходит... она и теперь там...

— Что за чепуха! Зачем же?..

Он пожал плечами.

Вьюга забила в стекло как-то особенно ярко, снег просто так и рвался в окно. От наших фигур две огромные тени шевелились по стенам, цепляясь головами за потолок...

— Столоначальник Афтыкин ее два раза видели, — заметил мой спутник, — и даже бежали от нее в испуге.

Я прошел в дежурную комнату выпить стакан воды. Дежурный чиновник Поклепкин сердито расписывался в книге насчет получения от курьера какого-то пакета.

— Вот мы ее опять видели, — заметил Шмуль дежурному, зажимая пальцами пламя свечи.

— Изволили видеть? — отнесся ко мне Поклепкин. — Недаром второй стаканчик изволили испивать. А какво-с дежурить? На прошлой неделе она явилась сюда, в дежурную комнату, с младенцем, Никифоров так и грянулся на землю.

— Однако же, это дело надо исследовать, — заметил я.

— Да как вы его исследуете? Ходит видение из загробного мира и смущает. Что же тут поделывать? Разве молебен отслужить! Но в таких разгах и молебствие не помогает, — ведь это не наваждение, а просто покойник.

— Нет, это надо разрешить как-нибудь, — настаивал я.

— Премного обяжете. А то дежурить невозможно. Помилуйте, ведь всем видимо: курьеры — и те видят. Младенцы даже лицезреют. Намедни семилетний сын Лонгина Иванова видел... Просто хоть переходи в другое ведомство.

Когда, полчаса спустя, я рассказал все происшествие в гостиной дяди, где собрался кружок обычных знакомых, мне не поверили, даже подняли меня на смех. Тогда я предложил всем убедиться: пойти ночью в наше министерство и удостовериться. Среди хохота и шуток начали составляться пари и заклады. Определен был день для исследования.

Я предварительно собрал подробные сведения о том, где по преимуществу является это странное существо. Оказывается, что ежедневно между 11-12 часами ночи она блуждает по длинному коридору, по обе стороны которого расположены квартиры писарей и курьеров, и качает своего ребенка. Если кто показывается в коридоре, она выжидает его приближения и затем начинает уходить всегда в одну и ту же сторону, откуда приходит. Собралось нас пять человек, пожелавших призрака поймать во что бы то ни стало. Кроме того, я выбрал двух сторожей поздоровее, в том числе и Шмуля, снабдив их фонарями.

Собрались мы в 10 часов в свободной комнате, где жильцов не было, поставили ломберный стол и уселись за преферанс. Уж это обстоятельство указывало на то, насколько мы скептически относились к самому фак-

ту появления тени. Немало было смеха по поводу шпаги, которую я принес с собою и поставил в угол. Спрашивали, отчего я не взял револьвера, говоря, что надворному советнику приличнее всего таким оружием сражаться с какою-то бабою, посещающею коридор с курьерами и писарями. В углу были сервированы водка и закуска. Ну, словом, были очень веселы ровно до той минуты, когда Шмуль, тихо стоявший у двери на стороже, шепнул: «Идет».

Карты посыпались у нас из рук. Почти все побледнели. Я схватил шпагу и стал наготове. Сторожа взяли фонари. Сердце выколачивало барабанную дробь. Шмуль, поглядывавший в щелочку, сказал: «Близко!.. Слушайте!..»

Мерный стук шагов раздавался явственно и гулко по пустому коридору. Слышно было, что кто-то идет неторопливо, неуверенною походкою. Шмуль обратился ко мне и сказал: «Ну!»

Я, сжимая эфес шпаги, распахнул дверь и сделал шаг в коридор. Она была в двух шагах от меня. При моем появлении, она сразу остановилась. Свет от фонаря падал на ее старый клетчатый платок, от которого густая тень ложилась на лицо, но и лицо было видно — оно бледное, со впавшими щеками и лихорадочным взглядом. На руках ее шевелилось что-то, завернутое в тряпки. Она смотрела на меня исподлобья, — черты лица ее точно колыхались, то расплывались, то выступали ясно...

С минуту мы молча стояли друг перед другом. Наконец я овладел собою и сделал шаг к ней. Она быстро повернулась и пошла прочь.

— Свети! — крикнул я и кинулся за нею. Но она побежала. Свет прыгал возле меня и ясно освещал ее спину, — старую полинявшую кацавейку. Ноги ее шлепали быстро, стуча башмаками, я видел их, они были без

чулок — худые, посиневшие, башмаки свободно хлябали на них: я видел ее круглую пятку...

Она выбежала на черную лестницу и стала подниматься вверх. Удивительно, как она не потеряла своей обуви, прыгая через три ступеньки, так что мы едва поспевали. Вот один поворот, другой, третий. Она бежит все выше, мы задыхаемся, — но бежим — нельзя же потерять ее из вида. Вот и четвертый — последний этаж. Я один опередил других и все еще ее вижу. Она бежит еще выше, но куда же? Последний заворот, и я наткнулся на какую-то дверь — дальше хода нет.

Вот и Шмуль с фонарем. Эта дверь на чердак. У двери никого: вокруг меня стены. На двери огромный замок. Все мы столпились. Что же делать? Послать за ключом!

Бегал за ним Шмуль минут десять, не меньше. Долго возились, пока открыли тугой замок. Вот и отворилась дверь. Не поздно ли?

Обыкновенный чердак, красные кирпичи по стенам, запах затхлостью и пылью. Взошли, огляделись.

— Да, много найдете!.. — сказал кто-то.

А она стоит неподалеку и смотрит на нас, я опять к ней; она опять повернулась, и опять пошла. Бежать уж неловко: пол кирпичный, неровный. Да и она не топчется, идет в трех шагах от нас. Дошла она до одного угла, остановилась, опять к нам обернулась и прижалась спиной к стене. Шмуль поднес ей фонарь к самому лицу, она отклонилась, и вдруг точно стала уходить в стену, точно ее вдавливало что туда, и тут же на глазах у нас ушла совсем, и осталась только кирпичная стена и ничего больше.

Долго мы стояли молча.

— Что же делать?.. Что там за стеною?

Смотритель объяснил, что тут стена соседнего дома.

Тут я только заметил, что у меня в одной руке шпага, а в другой мелок: я как собрался записывать ремиз, так и не выпустил его из рук. Я начертил большой белый крест на том месте, куда она ушла, и мы стали спускаться.

Вот и весь мой рассказ. Но самое удивительное впереди. Я настоял, чтобы под моим крестом вынули ряд кирпичей. Постройка была фундаментальная. На высоте аршина от пола найдено было пустое пространство. Там лежали кости от женского скелета. Платье истлело, остались только башмаки. Детского скелета не было. Доктор заявил, что костям не менее полстолетия. Наш священник кости отпел, и их похоронили где-то на мой счет. Никакие привидения более не показывались в нашем министерстве.

XIV

В 1839 или 40 году, когда я была еще молодой женщиной, рассказывает мисс Бляк из Манвиль-гарденса в Едмбурге, брат мой для поправки здоровья жены нанял дом на юге Шотландии. Вскоре по переезде их туда, двое из детей заболели корью, и брат написал мне, приглашая приехать помочь им в уходе за больными детьми. Он нанял дом через агента, и ничего не знал о его предыдущих обитателях. В день моего приезда, мы засиделись довольно поздно; было уже около полуночи, когда мы разошлись. Хотя я очень утомленная и поспешила лечь в постель, но, беспокоясь о детях, долго не могла уснуть. Так прошло приблизительно около часу, я лежала с открытыми глазами, когда мое внимание обратилось на мерцание света, подымавшегося как будто снизу по лестнице. Пред-

полагая, что это может быть няня, идущая сказать мне что-нибудь о детях, я села на постели и стала прислушиваться. Свет остановился у моей двери, ручка которой тихо повернулась, и на пороге показалась очень странная фигура: маленький старичок, с одним плечом выше другого, с огромной головой, покрытой торчащими волосами с проседью, вошел в комнату, крадучись и хромяя. В одной руке у него был подсвечник из зеленой меди, очень оригинальной формы. Не взглянув ни разу в сторону моей кровати, он прямо направился в угол комнаты, примыкавший к моему изголовью и, сдвинув панель с места, начал считать золотые монеты, лежавшие кучками в открывшемся углублении, бормоча что-то про себя и покачивая головой. Я не особенно испугалась, была только очень поражена неожиданностью этого появления и все время наблюдала за ним, пока часы не пробили два. Тогда он задвинул панель, запахнул свой старый шлафрок и медленно захромал, направляясь к двери. Я соскочила с постели и последовала за ним, но не могла заговорить, так как язык мой точно прилип к гортани. Все что-то бормоча, старик пошел вниз, я за ним, и вдруг на половине лестницы он мгновенно исчез из моих глаз, а мне попалась навстречу помощница няни, бледная, видимо взволнованная и спешившая наверх. «Видели ли вы кого-нибудь на лестнице, Джен?» — спросила я. Она ответила отрицательно. Ее послали ко мне сказать, что с одним из детей сделались конвульсии. На другой день ребенок умер, а я переменила спальню и ни разу не спала более в той комнате. Вечером, после похорон, я рассказала брату о странном явлении и мы оба решили, что это был очень замечательный своею живостью сон. Я прожила у брата несколько недель. Однажды деревенский доктор, обедая у нас, рассказал, что дом, нами занимаемый, слывет в

окрестности неблагополучным, что в нем будто бы ходит по ночам хозяин и стережет свое сокровище. Его все знали за большого скупца, прибавил доктор, и на наши вопросы о его наружности описал его кривобоким и очень сходным с виденною мною таинственной личностью.

Брат прожил в этом доме неделю, а несколько лет спустя случайно прочитал в газетах, что во время переезда в доме рабочие нашли в одной комнате подвижную на шарьерах панель и в углублении кучу золота в монетах, а что еще страннее, в газете упоминалось, что вместе с золотом найден был старинный подсвечник из зеленой меди, похожий по описанию на тот, который я видела в руках привидения.

XV

Сэр Джордж Мэккензи, знаменитый юрист времен Карла II, жил по большей части в Эдинбурге и имел привычку гулять перед обедом в продолжении получаса времени. Местом его прогулок была всегда уединенная аллея городского парка. Однажды, гуляя здесь, он встретил весьма почтенного седого старичка, который прямо подошел к нему и без всяких предисловий сказал:

— Вот уж две недели, как у вас, в Лондоне, идет очень важное дело, ваше присутствие необходимо, вопрос идет о наследстве громадного поместья; нашелся ложный претендент, делающий все возможное, чтобы обездолить настоящего наследника. У последнего, к несчастью, нет налицо некоторых документов. Вы непременно должны быть сами на суде; а что касается документов, то вы найдете их на чердаке замка в спорном

поместье; они писаны на пергаменте и лежат в большом дубовом старом шкапу.

Сообщив это важное сведение сэру Джорджу, старик исчез, точно сквозь землю провалился.

Сэр Мэккензи продолжал свою прогулку и скоро забыл о странной встрече.

На следующий день, гуляя по той же самой аллее, он снова увидел вчерашнего старика, он опять подошел к сэру Джорджу и опять стал умолять его немедленно ехать в Лондон, говоря, что он будет щедро вознагражден за беспокойство; но Мэккензи и на этот раз не обратил на него особенного внимания.

На третий день, когда он снова вышел на прогулку, старик опять подошел к нему и, энергично настаивая на его возможно скорейшем отъезде, заявил ему, что «в противном случае процесс будет проигран».

Его настойчивость и видимая боязнь за отсутствие сэра Джорджа в процессе, так сильно его интересовавшем, заставили последнего сперва призадуматься, а затем и исполнить его просьбу.

Рано утром, на следующий день, он верхом выехал в Лондон, куда и прибыл к самым прениям.

Перед тем, чтобы отправиться в суд, он поехал в поместье, о котором шел спор в суде. Там встретил одного из сонаследников.

При входе в гостиную замка, сэр Джордж прежде всего обратил внимание на один из висевших на стене портретов.

— Кто это такой? — спросил он у наследника.

— Это мой прапрадед, — ответил тот.

— Боже мой, — воскликнул адвокат, — да ведь это тот самый старичок, который три дня подряд подходил ко мне и говорил со мною о вашем деле.

Сэр Джордж немедленно потребовал, чтоб его свели на чердак. Там он тотчас же увидел кипы бумаг, пожелтевших от времени и раскиданных по полу.

Юрист и наследник принялись перелистывать их, надеясь найти какие-нибудь указания по делу наследства, но ничего не находили.

Тогда сэр Джордж пошел осматривать другое отделение чердака и здесь нашел большой, старый дубовый шкаф, источенный червями.

Осмотрев тщательно все уголки шкафа, сэр Джордж имел счастье разыскать недостававшие документы, необходимые для выигрыша процесса.

Оба поспешили в суд к слушанию дела. В великолепной речи сэр Джордж изобличил все происки ложного претендента, доказав права своего клиента, и в заключение торжественно предъявил суду все недостающие фамильные документы.

Дело было выиграно самым блестящим образом.

Сэр Джордж вернулся в Эдинбург, щедро вознагражденный, но никогда уже больше, во время своих ежедневных прогулок, не удалось ему встретить ходатая из загробного мира.

Ив. Рубакин

СКАЗКИ О МЕРТВЕЦАХ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ,

РАЗСКАЗАННЫХЪ
ОТСТАВНЫМЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОМЪ
Ив. Рубакинымъ.

СЪ ПРИБАУТКАМИ.

Скоро сказка сказывается,
Да не скоро дело делается.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ НАЗАРОВОЙ,
1865.

НЕОТКРЫТАЯ ТАЙНА ПОКОЙНИКА

В старину было обыкновение хоронить усопших в их подвалах и склепах; их могилы выложены были камнем в своем собственном доме, вроде подвала или погреба. Один был богатый помещик, первоначально служил он в военной службе, напоследок служба весьма его отяготила, по причине расстроенного его здоровья, и потому, получивши отставку, он стал проживать у себя в вотчине и сочетался с пристойною весьма девицею браком, от которой чрез несколько времени прижил детей, имел хорошее у себя состояние, держал на откупе винные заводы и, проживя довольно времени с своим семейством, накопил довольно количество капитала. Балов никогда не заводил, был весьма скуп и расчетен на излишние расходы его капитала, и наконец стал очень припадать здоровьем, даже доктора лечить его отказались, и долгое время был одержим своею болезнию; напоследок не мог оную переспорить или от оной воспользоваться никакими лекарствами, вскорости перешел из сей жизни в вечную и оставя у себя жену с малолетними детьми; покойника похоронили не в подвале или склепе, потому что по скорости настоящая ему могила не была приготовлена, а потому гроб его поставили в холодном сарае, на поверхности. Но — только что на первую ночь наступило время полуночи, наш покойник встал из гроба и пришел прямо в свои покои, где жила его вдова с малолетними своими детьми и в особенной своей спальне начал ходить по всем комнатам и ломать свою мебель. Походивши немного времени, жена, слыша, что муж ее ходит по всем комнатам, была в большом страхе и не знала, к чему это применить, и думая, что муж

ее был чародей или колдун, что пришел ночью ее беспокоить с детьми, думала и то как бы переехать из дома на другую квартиру из сего дома, чем претерпевать такую ужасную страсть.

Муж ее покойник не причинил ей никакого вреда, походил по комнатам и все бил об пол посуду и зеркала; вышел из дома и пошел прямо на винный завод и там много проказничал, выпускал вино на пол, бил посуду, которая ему попадалась на глаза, и пришло время успокоиться после полуночи, пришел в свое место и лег во гроб; когда прошла ночь, жена, встав, поутру ранее прежнего, созвала к себе всех своих людей и стала рассказывать про своего мужа, а их барина, что он был ночью в покоях и бил всю мебель, а поутру которая оказалась в целости; послушайте, мои слуги верные, что мне теперь делать, остается выходить из дома вон на другую квартиру; я не знаю, неужели он у меня был колдун или какой чародей, я за ним сего ужасного злодеяния никогда не замечала и сказать мне грешно, он меня любил до крайности — равно и детей тоже, а ныне что он творит, не понимаю.

Послушай, наша барыня, сказал один лакей, который всегда ухаживал за покойным своим господином, — я очень удивляюсь, что с нашим барином делается, что он такие творит пакости; я служил ему еще с молодых лет и ходили с ним по походам, — я не понимаю сего положения, чтобы барин знал колдовать, а вот, сударыня, что-нибудь есть у него особенное на его душе, я все сие узнаю, я хочу лечь подле него во гроб, рядом, немного поодаль; он встанет ночью, я услышу, что он встал, и я тоже сему последую; я очень крепко ручаюсь за своего барина, что был он господин добрый, прикажите двум нашим мужикам дворовым сходить в лес и надрать бересты, которой я весь оберчусь с ног и до самой головы и лягу во гроб, пускай меня

закроют крышкой и поставят рядом с барином в том же сарае, хорошо, милый мой человек, когда ты это узнаешь и будешь жив от сего страха, что его так побуждает ходить ночью, за то я тебя выпущу на волю и награжу весьма щедро.

Барыня послала мужиков в лес за берестой, которые надрали ее и принесли домой; по приходе ночи в девять часов вечера принесли гроб и начали сего лакея раздевать донага, и обвертли всего берестой с ног и до головы, когда приготовили сего живого покойника, положили во гроб и накрыли крышкой и вынесли в сарай и поставили нисколько подальше от барина гроба, и сарай заперли на замок, пришла пора самой полуночи, барин крышку с гроба сбросил и начал вставать; услышав это, ванька, его человек, тоже крышку долой и начал вставать из гроба, барин услышал, кто тут еще находится с ним вместе и нимало усумнился, и спросил: кто здесь и зачем зашел ко мне — мертвецу. Человек отвечает: барин, это я, твой верный лакей ванька! — зачем же ты здесь? а вы зачем здесь? дурак, я умер! и я тоже, за тобой — на другой день помер; — ванька, ты меня обманываешь! Нет, барин, я вас никогда и не думал даже в живности вашей обманывать, а служил вам верою и правдою, а ныне, точно, я истинно помер.

Барин усумнился и все еще ваньке не верит, что он умер, и подойдя к нему очень близко, начал его обнюхивать, а от сырого береста пахнет сыростью, точно от покойника, барин сказал: ну, брат ванька, теперь я поверю, что и ты тоже помер; от тебя пахнет тоже покойником, как равно и от меня, ну пойдем вместе со мною; и таким образом они вышли из сарая, и пошли прямо в его комнаты, где начали бить мебель; барин бьет и ванька тоже ему помогает; натешившись досыта, они пошли на винный завод и там начали про-

казничать: выпускать из чанов вина и прочие и как им надо проказничали; после этого человек сказал: барин! пора нам домой на свои места, пожалуй, пора! сказал барин, и они пошли с винного завода, и начали бродить мимо большого бугра, возле дороги; барин, когда поравнялся с сим местом, взглянул на оный и тяжело вздохнул, а человек все сие приметил и сказал: барин, вы и я оставили сей свет, теперь жалеть нам нечего, назад с того света не возвращаются, что же вы по сем месте соболезнаете, верно что-нибудь положили здесь? Ах, ванька! Ежели бы ты знал, что сие место меня много беспокоит, ежели бы кто знал мою неисправность и завещание, которое меня теперь много мучит, но я все это ничем не могу поправить.

Скажите, мой барин, свою тайну, я вам служил по гроб моей жизни верно и ни в чем вас не обманывал! дурак ты, ванька, хотя я тебе и скажу, что будет пользы, ты мне ничего не поможешь в этом, да, барин, это ваша правда, а я по крайней мере по вас потужу и разделю с вами вашу печаль! вот, ванька, я тебя любил в жизни за твою правду, и теперь тебе поведаю мою печаль и ошибку, видишь ли сей бугор, мимо которого мы с тобой прошли? видел, барин; ну, вот тут у меня находится богатое сокровище, которого в жизни не успел определить никуда; тут зарыто три котла золота; ежели бы кто вырыл сию казну и разделил на три части, одну часть на Храмы Господни, другую на мое семейство, а третью на всех моих крестьян, пускай бы меня поминали, грешного.

Но теперь мое сокровище останется пусть в сырой земле! вот моя печаль, которая тяготит мою душу; да, барин, что ж делать, что с собою мы ничего не понесли на тот свет, кроме правды и добра; и они пошли в барский дом к своим гробам и легли опять в оные попрежнему; ночь стала уже проходить, ванька стал очень

злябнуть и лежал долгое время, наконец стало рассветать; он сбросил с себя гробовую крышку и стал стучать в двери большою палкою, люди стук сей услышали, засветили фонарь, отворили сарай, выпустили ваньку и обогрели его, он им рассказал про барина, а наутро пошел к своей барыне и передал ей все подробно, что барин колдовства никакого не знает, а его мучает то, что он не успел заживо определить свои деньги, и сказал, что барин велел определить на раздачу все, что зарыто в земле. Барыня пошла сама с своими людьми и вырыла три котла золота, один взяла себе и детям, другой раздала крестьянам, а третий отослала священнику для раздачи по церквам; человека отпустила на волю и наградила его весьма щедро. Пришла третья ночь, в самую полночь помещик пришел в покои к жене своей тихо, и подошедши к ее спальне, постучался у дверей; жена услышала голос своего мужа, засветила огонь и отворила дверь спальни; ну, я этого не знал, что меня человек обманул, да хорошо, что ты это делала, я теперь более не приду никогда, я очень буду покоен! прощай, моя милая жена, детей своих вырасти и не забывай, определи их к местам; жена хотела было к нему подойти и проститься, а он ей запретил к себе подходить близко; я покойник! прощай навеки, человеку скажи спасибо.

ДРАКА ДВУХ МЕРТВЕЦОВ

В старину бывали многие чудесные приключения, которые еще и доныне не выходят из памяти у нынешних народов, а в особенности по отдаленности расстояния какого-нибудь дальнего климата, где более бывает суеверия, потому что тамошний народ придерживается более старинных обычаев и верит всякому пустословию и суеверию; в одном богатом и большом селении жил богатый помещик, он имел у себя много земли и крестьян, которые ему служили верно, был человек очень добрый и снисходительный для своих мужичков, у этого помещика какая-то важная переписка с уездным городом: он приготовил в суд бумаги свои и послал своего старосту с оными в суд, а время было уже на дворе семь часов после полудня, упомянутый староста отправился на верховой лошади, данной ему барином, и поехал по той дороге, которая ему была еще доныне не известна, он ехал довольное время по дороге, и приехал в одно богатое селение, где скотину с поля пастух уже гнал в деревню; староста едет по деревне, и видит, у одного хорошего дома сидят мужики и разговаривают о чем, ему неизвестно; он чинно подъехал к ним, слез с лошади, подошел к ним и поздоровался с ними, они ему тоже поклонились, староста спросил их: послушайте, почтенные мужички, что у вас это, дорога большая или проселочная, мне очень нужно до города, чтобы поспеть ранее в суд? в ответ ему крестьяне сказали: нет, милый человек, эта дорога не большая, а проселочная, мы по этой дороге почти что никогда и не ездим, конечно, мы знаем, что она покороче той большой, да и дорожники выезжают более от нас на большую дорогу; да почему же вы по

сей дороге-то не ездите? да вот, батюшко, добрый человек, сказывают правду ли, или ложь, будто тут похоронен колдун, на самой середине дороги, якобы он за проезжающими гоняется, потому и страшно, народ не ходит и не ездит; те, которые уже это место знают, а по отдаленности, кто мимоездом на сию дорогу попадет, то он, верно, не знает; а мне бы надо поскорее поспешить в город, сказал староста, и он поблагодарил мужичков за их добрый совет и поехал по сей дороге, ехал он порядочно время, а на дворе уже приближалось почти к полуночи времени, едет не торопясь шагом, и когда поравнялся с этим местом, увидел могилу, накрытую досками вместо камня, и которая почти вся сгнила от дождей; мужик проехал, ничего не заметил особенного и не успел еще отъехать и версты, ему что-то стало очень страшно, он оглянулся назад, и видит, за ним бежит мертвец в белом саване; мужик пришпорил свою лошадь, которая кинулась большою рысью, а он еще более ее понуждает, а мертвец почти что его нагоняет; мужик гнал очень долго свою лошадь, и видит впереди себя огонек, стал более поспешать и доехал до деревни, где в крайнем доме горел огонь; он въехал прямо в ворота, которые были открыты, подъехал к крыльцу, скоро соскочил с лошади и побежал в избу и только успел отворить двери и видит, на столе стоит гроб, накрытый холстом, а на стене горит лампада; он, видя сие чудо, прямо влез на печь, и от ужаса проняла его лихорадка и так сильно привела в озноб; только что он влез на печь, гнавшийся за ним мертвец уже прибежал под окно, и кричит под окном: отдай мне пришлеца, который сейчас к тебе пришел, а лежащий на столе в гробе мертвец встал из гроба и отвечает стоящему за окном мертвецу, за что я тебе отдам моего пришлеца, ты за ним гнался и не мог догнать, я его испросил к себе, он сам

пришел ко мне, он был твой, когда ты гнался за ним, а теперь он попал ко мне — стал мой, и я тебе его не отдам, прибежавший мертвец вошел в избу, а домашний дожидал его и начали оба грызться порядочно, один другому не уступает, и таким образом дрались до того самого времени, когда запели петухи, и они оба упали на пороге, а староста на самом свету уснул от усталости и ужаса и проспал до самого белого свету, встал поутру, умылся и Богу помолился, вышел из сей избы и поехал прямо в город, и по приезде в оный, явился в присутственное место и подал присланные от барина бумаги, которые у него приняли и, решив дело, подали старосте пакет; он поехал в барский дом к управителю и стал просить одного с собою и рассказал, что с ним случилось дорогою, по которой он ехал, управитель взял с собою немного крестьян с лопатами и поехали в сию деревню, где староста ночевал, и доехавши до оной, войдя в избу, управитель увидел двух покойников, приказал положить их в один гроб, который стоял на столе, и нести подалее от дороги в лес, и похоронить там, барину написал письмо, что староста опоздал к вам приездом, что в письме было писано, староста приехал и подал письмо барину, а он прочитал и весьма сожалел его, что остался благополучен.

НЕОТПЕТЫЙ МЕРТВЕЦ

В поле вьюга бушевала, и снег хлопьями валил, с хат солому прочь срывало, под окнами ветер выл, в крайней хате, близ дороги, с незапамятных времен, жизнью долгой удручен, старичок живет убогий; но благое провиденье, старику для жизни сей, сохранило провиденье и старуху и детей; вот лучина догорает и старик на печь идет, а старуха допрядает, вьюга ж в поле все ревет, ставни ветхонькой избушки колыхаются, стучат, жутко бедненькой старушке, и в избе давно все спят, сверчок жалко распевает, песнь его такой порой еще больше нагоняет и тоску и страх ночной, вдруг дворовая собачка завизжала у ворот, с лавки спрыгнул серый кот, со сна вскрикнула девочка, с шумом ставня отлетела к полю крайнего окна, неподвижна и бледна в окно хаты тень глядела, все в избе засуетились, с печи лезет и старик, дети подняли все крик в страхе; старики крестились брось-ка дедушко ты хату да иди скорей за мной, захвати еще с собой деревянную лопату; есть тут в поле дуб высокий, труп мой здесь в снегу лежит, я разбойником жестоким две недели как убит; вырой прах мой, тут недалеко есть село, где наш приход, там семья моя живет, и грустит по мне глубоко, завтра утренней порою ты свези мой труп к жене, а откажешь в просьбе мне, я не дам тебе покою! вдруг лучина догорает, в страхе жмутся все в угле, тень окна не покидает и ушла лишь на заре, на другую ночь приходит снова к старику мертвец, от окна он не отходит и кричит когда ж конец? что бояться, будь смелее, грех бояться мертвецов, всякий должен быть готов умирать! Иди ж скорее. Утром все опять стихает, но старик почти без сил в страхе ночи ожидает и в село уже ходил:

точно, там семья страдает: парень без вести пропал и никто того не знает, что убитым он лежит, и лишь только услышала беззащитная вдова, старику тотчас сказала: я иду с тобой сама, вечер наступает и старичок наш со вдовой уж пришел к избе домой, мертвеца все ожидают. На третью ночь в полночный час у окна стучится он, семья не сводит со старца глаз, тоскует и боится, не плачьте, детушки, жена: Бог Милосерд, вернуса, я смерти не боюсь, в годы мои смерть не страшна, помолясь, старик из хаты с огорченною вдовой, взял фонарь, да и лопату, вышел твердою ступой, вот спасибо, восклицает тень: теперь покой найду и тебя он ожидает, больше к вам я не приду, ты, жена не плачь, не рвися, моих детей береги, и Богу искренней молися; на него все возложи, впереди он шел немало, а когда дуб увидал, самого тотчас не стало, помолясь старик подходит, роет снег, где указал, что ж, старинушка находит, точно, мертвый тот лежит, своего жена узнала друга милого сейчас, и последний уже раз прах с слезами целовала, утром все засуетились, хоронили мертвеца вплоть до самого конца, толковали и дивились, а старик с своей старушкой стали жить да поживать, Бог привел им жизнь скончать мирно в ветхонькой избе.

Примечания

Живая смерть

Новелла, без указания имени автора, была напечатана в *New York Times* 15 января 1871 г. под заглавием «*La morte vivante*»; также печаталась в *Macmillan's Magazine* (январь 1871). Русский перевод – в «Собрании рассказов и повестей» (СПб, изд. Е. Н. Ахматовой, 1882). Публикуется по этому изданию.

Д. Булгаковский. Поразительные случаи явления умерших

Публикуется по изд.: *Поразительные случаи явления умерших: Пятнадцать рассказов* (СПб., 1896).

Д. Г. Булгаковский (1843 – после 1918) – писатель, этнограф, православный священник (сложил сан в 1902 г.). Родился в г. Елец, учился в Орловской и Минской духовных семинариях. Рукоположен в сан священника в 1869 г., служил в Пинске, Свислочи, Волковыске, где также преподавал русский и церковнославянский яз. С 1898 г. жил в Петербурге как вольный священник, активно участвовал в трезвенном движении. Значительное место среди его многочисленных сочинений (этнографический сб. «Пинчуки», «Нижегородские легенды», литературно-художественные альбомы и книжки, направленные на борьбу с пьянством, патриотические брошюры, исторические работы, проза и др.) занимают всевозможные компиляции о загробном мире, визитах умерших, призраков и т.д.: «Из загробного мира: Явления умерших от глубокой древности до наших дней» (1894, 1902, 1894), «Из области таинственного: Рассказы о необыкновенных случаях» (1895), «Будем ли мы жить после смерти» (1906).

Ив. Рубакин. Сказки о мертвецах

Публикуется по изд.: *Четырнадцать народных сказок, рассказан-*

ных отставным унтер-офицером Ив. Рубакиным. С прибаутками (М., 1865).

Ив. Рубакин (псевдоним?) – автор как минимум двух лубочных книг «народных сказок», изданных в московской тип. Назаровой в 1865 г.

Включенные в книгу произведения публикуются в новой орфографии с исправлением ряда устаревших особенностей правописания и пунктуации.

Оглавление

Живая смерть	5
Д. Булгаковский. Поразительные случаи явления умерших	30
Ив. Рубакин. Сказки о мертвецах	75
Примечания	87

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.